ПУТЬ К МАСТЕРСТВУ

На одном из республиканских смотров художественной самодеятельности в Киеве жюри отметило незаурядный голос разметчика завода «Октябрьская революция» (Ворошиловград) Юрия Кравченко. Немногим раньше Дмитрий Гнатюк — двадцатилетний парень из Буковины, работавший тогда слесарем на одном из уральских заводов, получил первую премию на областной олимпиаде художественной самодеятельности в Свердловске. А в это время Александра Жила была еще запевалой в колхозном хоре села Смелое, Сумской области.

Прошло несколько лет, и вот в гости к народному артисту СССР профессору И. Паторжинскому (на снимке — в центре) пришли солисты Киевского академического театра оперы и балета (слева направо) Александра Жила, Дмитрий Гнатюк и Юрий Кравченко. А. Жила и Д. Гнатюк занимались у И. Паторжинского в консерватории; Ю. Кравченко — ученик профессора Д. Евтушенко.

Сейчас на Украине идет подготовка к новому республиканскому смотру народных талантов. В смотре будут участвовать наиболее способные любители искусства — представители около 77 тысяч различных самодеятельных кружков, в которых участвует свыше миллиона ста шестидесяти тысяч человек.

КИЕВ. (Наш корр.)

Фото Я. Паволоцкого

Партийное собрание ленинградских литераторов

Состоявшееся на днях открытое партийное собрание ленинградских писателей было посвящено культурно-просветительной работе писателей в колхозах.

В. Воеводин в своем докладе говорил о широчайшем размахе, который после сентябрьского Пленума ЦК КПСС приобретает связь города и села. Одной из форм этой связи является забота о культурном обслуживании сельского населения. Докладчик упомянул, что в колхозных клубах области за последнее время выступили двенадцать писателей. Нужно, чтобы критики и литературоведы также выступали в колхозных аудиториях с хорошими лекциями о Горьком, Маяковском, о советской литературе, борющейся за мир. В ленинградской писательской организации возникла мысль о регулярном издании сборников маленьких пьес, рассказов, фельетонов, сценок для коллективов сельской художественной самодеятельности. Редколлегия сборника приступает к составлению первого выпуска.

— Но главная наша задача,— подчеркнул В. Воеводин,— отозваться на большие сдвиги, происходящие в колхозной жизни, своим трудом, то есть своими произведениями. Надо активнее участвовать в периодической печати, в газетах, журналах, гораздо активнее, чем мы это делаем.

Докладчик говорил о том, что иногда высказывается мнение, будто сельскохозяйственная тема является темой лишь ограниченной, небольшой группы писателей. Это, конечно, неверно! Было бы правильно, если бы все члены писательской организации и, в первую очередь, коммунисты проверили свои творческие планы и посмотрели, какое место в них может занять участие в этом всенародном деле,— начиная от выезда в колхоз для выступлений и до работ над большим литературным произведением о людях села.

Интересным было выступление на партийном собрании писателя Н. Григорьева. Совместно с зоотехником Н. Горским он написал сценарий выпущенного на экран полнометражного цветного фильма «Живой пример» — о костромских животноводах. Н. Григорьев поделился своими впечатлениями о поездке на село. Заместитель главного редактора «Ленинградского альманаха» И. Неручев сообщил, что в ближайших номерах альманаха намечено опубликовать материалы, знакомящие читателей с новыми достижениями науки о сельском хозяйстве.

На собрании выступили также: Г. Матвеев, М. Левитин, М. Клименко и другие.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

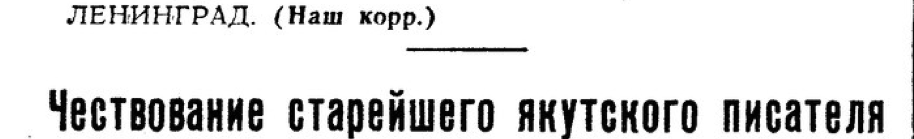
Чествование старейшего якутского писателя

Президиум Союза советских писателей СССР обратился к старейшему якутскому писателю, краеведу и публицисту Михаилу Николаевичу Тимофееву-Терешкину с приветственной телеграммой, в которой горячо поздравил его с 70-летием со дня рождения.

Начав литературную деятельность в 1908 году, Михаил Николаевич с тех пор постоянно сотрудничает в якутской и русской печати, выступая со стихотворениями, статьями, очерками.

В годы Великой Отечественной войны вышли его первые книги на русском языке: «Якуты на войне», «Якуты в тылу». В 1944 году был удостоен премии на Всесоюзном конкурсе на лучшую детскую книгу его сборник «Созвездие смелых» (военные легенды якутов).

В послевоенные годы на русском языке изданы книги М. Н. Тимофеева-Терешкина «Песни борьбы и труда», «Избранное» и «Якутские сказки». Сейчас писатель продолжает работу над воспоминаниями «На рубеже двух эпох», а также над новой поэмой.

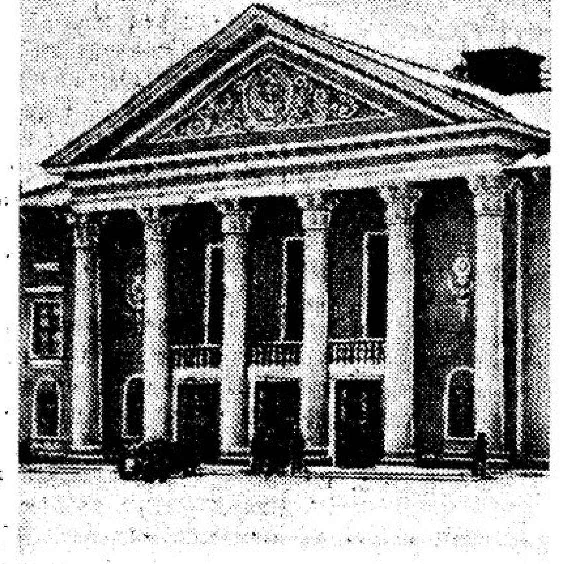

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* **Книжные магазины на Украине.** В нынешнем году в городах, районных центрах и селах Украины открылось 43 книжных магазина. Сейчас в республике торговлю книгами ведут 987 специализированных магазинов и 452 киоска «Главкниготорга», а также большое количество сельских магазинов потребительской кооперации.

* **Для школьников Дагестана.** Коллективом научных сотрудников Дагестанского научно-исследовательского института школ составлено семь учебников русского языка для нерусских школ республики. К кумыкскому, аварскому, табасаранскому, лакскому и другим учебникам приложены словари. Впервые составлена хрестоматия по дагестанской литературе на пяти языках для пятых — седьмых классов.

* **В рабочем поселке** домостроительного комбината (Молотовская область) открыт новый клуб. Он имеет зал на 450 мест, комнаты для занятий кружков художественной самодеятельности и для отдыха, библиотеку, читальню. На снимке — фасад нового клуба

Фото Б. Визуля

* **Новая газета.** Вышел первый номер газеты «Тарибинис Мокитояс» («Советский учитель») — орган Министерства просвещения Литовской ССР и республиканского комитета профсоюза работников просвещения.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 145 (3174) Вторник, 8 декабря 1953 г. Цена 40 коп.

Что говорят в Корее об американской провокации

Уже не первый месяц американская реакция, пытаясь усилить международную напряженность и помешать созыву политической конференции для урегулирования корейского вопроса, носится с отвратительной фальшивкой о «зверствах» над военнопленными из состава так называемых войск ООН.

Продолжая свой пропагандистский маневр, американская делегация в ООН вытащила эту фальшивку на обсуждение VIII сессии Генеральной Ассамблеи. Как известно, послушное США большинство Ассамблеи проштамповало позорную резолюцию, состряпанную американскими дипломатами. Заокеанские провокаторы после этого усилили в печати и по радио клеветническую пропаганду против корейского и китайского народов.

Но факты снова и снова разоблачают организаторов этой клеветнической кампании. С трибуны Генеральной Ассамблеи делегаты СССР, Польши, Чехословакии, Украины и Белоруссии с фактами в руках уличили авторов американской фальшивки во лжи и клевете. Правда о гуманном, человечном отношении к военнопленным в северокорейских лагерях, правда о массовых зверствах, совершенных американскими интервентами и их подручными в Корее против мирного гражданского населения, против корейских и китайских военнопленных, становится достоянием мирового общественного мнения.

Я только что прибыл в Корею, и мне хотелось бы начать свой рассказ о том, что происходит в этой стране, совсем не с того, чему посвящена эта статья. Но я не имел права не написать ее именно сейчас. Меня вынудил взяться за перо далекий и лживый голос.

Вечером я включил радиоприемник, чтобы узнать, как живет родная страна. Слова, заставившие меня прекратить вращение ручки настройки, были произнесены на английском языке. Находившийся на расстоянии нескольких тысяч миль от Кореи американский диктор сообщил, что в ООН обсуждалась американская жалоба на «зверское» обращение корейских властей с военнопленными из состава «вооруженных сил ООН».

Трудно было предположить, что такое обсуждение может состояться. Казалось, что бандит, будучи задержанным после того, как он ограбил и поджег дом, вырезал семью и надругался над трупами, все-таки не решится предъявлять претензии даже в том случае, если в камере, куда его посадили, не оказалось ванны и холодильника.

Но, очевидно, нравы уголовного мира все же чище политических нравов американского империализма.

Испепеленная Корея. Зимний ветер леденит оставшихся без крова и ютящихся в лачугах людей. В руинах — многострадальный Пхеньян. Кровоточит израненная фугасами и сожженная напалмом земля. И вот раздается каркающий голос американского диктора...

Ну, хорошо. Эмоции ни к чему, когда вступаешь в полемику с официальной Америкой. Кровь не заставляет ее содрогаться — она видит в ней доллары.

Будем говорить языком фактов.

Итак, вы утверждаете, что к вашим солдатам и офицерам, после того как они жгли Корею, били картечью по городским улицам, стреляли из пулеметов по крестьянам, работавшим на рисовых полях, и, наконец, были взяты в плен, плохо относились в лагерях.

Итак, факты. Явив миру великие образцы героизма, корейцы и китайцы показали пример и непревзойденного благородства. Они не раздевали военнопленных и не приказывали своим солдатам расстреливать их из тяжелых и легких пулеметов, как делал это в свое время в порту Инчон капитан армии Соединенных Штатов Гаррисон. Они не давили грузовиками военнопленных, как делали это на вокзале в Тоннэ солдаты американского жандармского капитана Армстронга из четвертого полка американской армии. Они не устраивали кровавой резни военнопленных, подобной той, что учинили американцы в лагерях Пусана и острова Кочжедо. После того, как убийцы в американской военной форме были обезоружены и пленены, корейцы обращались с ними как с людьми и обеспечили им жизнь более удобную, чем та, которой жили они сами.

Начнем по порядку. Прежде чем продолжать эту статью, я вышел на пхеньянскую улицу, если только можно назвать улицей дорогу, образованную двумя бесконечными рядами руин. С огромным трудом нашел я место, где помещался раньше один из лагерей для военнопленных. Три года тому назад это было обширное помещение. В мирные годы в нем размещалась школа. Я помню, как вошел в бывший класс. Там еще стояли сдвинутые к стене парты. В центре комнаты находился большой стол, возле него — скамьи. Несколько американских солдат играли в карты. Один сидел верхом на парте и наигрывал на губной гармонике. Другой брился, поставив зеркало на подоконник. Я обратил внимание на то, что летняя военная форма, в которую были одеты американцы, выглядела чистою, а сами они — чисто выбритыми.

Во время нашей беседы ни один из американцев не жаловался ни на плохое обращение, ни даже на еду и способ ее приготовления. И — я не боюсь в этом признаться — я не поверил, что корейцы, часто довольствовавшиеся в те дни двумя горстями спресованного холодного риса и тарелкой супа, который непривычен европейцу, действительно заботились о специальном меню для плененных врагов.

Я спросил пленных: кто им готовит пищу? Они ответили, что готовит им свой же американец, которому корейцы ежедневно доставляют говядину и овощи. Я попросил корейцев показать мне лагерную кухню. На лице сопровождавшего меня офицера Народной армии промелькнула легкая, чуть ироническая улыбка, очевидно, он почувствовал мое сомнение.

Кухня помещалась во дворе под навесом — дело было летом. Рыжий парень в сдвинутой на затылок пилотке стоял с засученными рукавами военной рубашки и орудовал у котла, лоснясь от пота. Я заглянул в котел. Варился мясной суп. Тут произошла одна любопытная деталь. Повар улыбнулся, подмигнул, засунул одну руку за пояс брюк и сказал: «Хэлло, чиф»*,— и, зачерпнув черпаком суп, протянул попробовать корейскому офицеру. Тот мгновенно сжал зубы, на лице его на секунду появилось выражение отвращения. Он посмотрел американцу прямо в глаза, как бы говоря, что не желает получать из рук американского солдата пищу, которую давно уже не видели корейцы, но тут же взял себя в руки и спросил повара, доволен ли он продуктами. Находившийся рядом переводчик перевел его вопрос.

— О'кэй,— ответил американец, ухмыльнувшись.

— А вчера? А позавчера? — снова спросил офицер.

— О'кэй,— сказал повар.

Мы ушли.

Я долго еще оставался в лагере. Побывал в офицерском помещении. Офицеры содержались отдельно от солдат, хотя, разумеется, могли общаться с ними, если бы захотели. Там стояли ряды аккуратно застеленных коек. Из окна были видны разрушения Пхеньяна. Мне стало не по себе. В те дни я уже побывал на фронте, видел в Тэчжоне железнодорожный туннель, в который американцы согнали сотни мирных жителей, чтобы затем простреливать туннель из пулеметов, видел фотоснимки, найденные корейцами у пленных американцев, снимки, на которых были запечатлены повешенные за ноги солдаты Народной армии и отрубленные головы...

Я понимал, что только великое благородство могло дать силы корейскому народу так гуманно обращаться с обезвреженным врагом.

С тех пор прошло три года. И вот я снова в Корее. Мне пришлось встретиться и беседовать с некоторыми работниками государственного и армейского аппарата. В беседах я спрашивал:

— Как вы относитесь к поставленному американцами в ООН вопросу о вашем отношении к военнопленным?

Мне трудно передать их ответы. Некоторые просто пожимали плечами, другие произносили слова неподдельного возмущения. Но вот в Министерстве культуры и пропаганды мне сказали:

— Послушайте лучше самих американцев.

— Но ведь их здесь нет,— недоуменно заметил я.

— Их, к счастью, нет,— усмехнулся работник министерства,— но... Вот почитайте.— И он протянул мне пачку журналов.

Это был комплект лагерных журналов, издававшихся самими военнопленными на английском языке.

Я просмотрел этот комплект. И понял, что работник министерства был прав и что я действительно могу разговаривать с американцами на расстоянии. И теперь, когда самый длинный и самый лживый в мире язык «Голоса Америки» утверждает, что возвратившиеся из плена американцы заявляют о плохом с ними обращении, мне хочется сказать джентльменам из ООН, писакам из американских буржуазных газет, вам, малоуважаемый диктор, чей голос я не мог слушать без возмущения:

— Пусть выступит по радио бывший военнопленный лагеря № 3 М. И. Санчес и пусть он повторит то, что писал в им же издаваемом лагерном журнале о конькобежном состязании, состоявшемся 24 февраля 1953 года. Слушайте, слушайте. Говорит М. И. Санчес:

«В последнее время в лагере № 3 все более активно велась подготовка к спортивным состязаниям. Многие пленные умели кататься на коньках. Однако в связи с предстоящим состязанием все стали энергично проводить тренировки.

Вокруг нашего катка возвышаются снежные горы... Под флагом Красного Креста заняли места санитарные работники китайских народных добровольческих отрядов...»

Попросите слово перед микрофоном и вы, американский гражданин Д. Е. Куарлес, бывший военнопленный и заведующий клубом лагеря № 4. Вы смогли бы рассказать, как уже писали в лагерном журнале № 5 за 1953 год о том, что

«клуб нашего лагеря был создан для обслуживания всех членов нашей роты. У нас в библиотеке поставили столы и стенды для журналов, сделали полки для газет... Часто проводятся футбольные состязания. Кроме того, мы имеем возможность играть на гитаре, послушать лекцию...»

А вы, Билли Хопланд? Ведь вы даже обязаны кое-чем администрации лагеря. Вам не было никакого смысла говорить неправду, когда вы писали:

«Перед тем, как я попал в лагерь, я не получил школьного образования... В первое время написать письмо родным и друзьям для меня было тяжким делом, так как для этого я должен был диктовать другим... Узнав об этом, администрация лагеря вызвала меня к себе, и китайский товарищ по имени Чен предложил мне учиться у него читать и писать. Мне было стыдно. По его совету с того дня я стал заниматься с ним. В настоящее время в результате этого я умею читать и немного писать».

Ну вот, Билли Хопланд, теперь вы умеете писать. Может быть, вы используете свое умение для того, чтобы написать господам из ООН правду о товарище Чене?

А вы, мистер Хур Барбор? Ведь вы по происхождению ирландец. Вы писали:

«При мысли о том, когда я вновь смогу отпраздновать день святого Патрика у себя на родине, мне становилось грустно».

Как же вы отпраздновали в лагере этот любимый ирландцами праздник?

«В тот день,— рассказывали вы,— **китайские народные добровольцы специально приготовили праздничные блюда... Потом танцевали ирландский танец...»**

Вы хотели выразить

«благодарность китайским народным добровольцам, сделавшим так, чтобы мы смогли весело провести праздник святого Патрика».

Не так ли? Сделайте это сейчас во всеуслышание — момент подходящий!

Я понимаю, вам нелегко будет повторить правду о своем пребывании в плену — вам, Санчес, вам, Куарлес, вам, Билли Хопланд, и вам, Хур Барбор! Те, кто послал вас в Корею на позор и бесчестье, те, кто заставил вас разрушать города, убивать людей только за то, что они захотели жить свободно и независимо, — позаботятся о том, чтобы вы молчали или говорили угодное им.

Джентльмены из госдепартамента пытаются утверждать, что ваши правдивые слова не имеют цены, поскольку были произнесены в плену. Но вы-то не были в плену, мистер Корон! Во главе подгруппы Красного Креста из представителей со стороны ООН вы посетили в августе этого года лагери для военнопленных в районе Нампхо. Вы стояли свободный и независимый по должности своей, подчиняющийся только правде, когда произнесли нижеследующие слова:

«Я видел много мяса, рыбы, овощей и риса на кухне лагеря. Вы живете в очень хороших условиях».

Надеюсь, вы не забыли этих своих слов, ведь их слышали все. На всякий случай можно напомнить, что при посещении лагеря № 12 вы несколько раз повторяли: «Очень хорошо!». Так скажите и теперь во всеуслышание по радио, в газетах, с трибуны — скажите правду, только правду, и да поможет вам бог!

А теперь то, что мне хотелось сказать в заключение. В последнее время в Пхеньян и в другие города и села Корейской Народно-Демократической Республики вернулись многие бывшие военнопленные солдаты и офицеры Народной армии. Они рассказывают правду об американских лагерях. Они рассказывают эту страшную правду повсюду — в кругу своих товарищей по оружию, рассказывают ее среди руин разрушенного Пхеньяна, в семье, собравшейся в холодной глинобитной хижине, и суровая тень истерзанной американцами страны встает страшным фоном за их спинами. И на этом фоне слова этих простых людей звучат, как набатный колокол.

Они рассказывают о том, что злодеяния американцев в лагерях были не единичными, не случайными, но являлись звеньями жестокой варварской системы. И становится ясно, что не было ни одного американского лагеря, где бы не убивали военнопленных. Американцы мобилизовали три полка с танками, артиллерией и газовыми бомбами и в течение нескольких часов убили несколько сот и ранили несколько тысяч военнопленных корейцев. Американцы давили людей танками, бросали людей в котлы с кипящей водой, натравливали на них собак, топили в воде, избивали палками. Они пытали людей при помощи электричества, превращали их в мишени, чтобы проверить меткость своих солдат и глубину прохождения пули. Они сдирали с военнопленных кожу, зарывали их живыми в землю, обливали бензином и поджигали, душили людей в корабельных трюмах.

Люди рассказывают, как, попирая все международные законы, американцы заставляли военнопленных строить военные сооружения, угрозами заставляли их менять религию и непослушных бросали в обжигательные печи или, облив водой, заставляли их зимой стоять на улице на коленях.

Они рассказывают, как американцы заставляли военнопленных делать сизифову работу, принуждая их отмывать водой придорожные камни или бесцельно дробить скальные породы.

Пусть американские варвары заметают свои следы, пусть бандит кричит: держите вора! Но пусть господа из госдепартамента, поднимаясь на трибуну ООН, не вынимают рук из карманов — с них капает кровь. Факты — упрямая вещь. Их можно сжигать, топить в бензиновых бочках, зарывать в землю, но они восстают из пепла, пробиваются на поверхность. Весь мир должен знать о благородстве корейского народа, который испил до дна чашу великих испытаний, но остался человечным даже по отношению к смертельному врагу, весь мир должен знать о подлости заокеанских убийц!

Александр ЧАКОВСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ПХЕНЬЯН, 7 декабря. (По телеграфу)

* Привет, начальник!

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

50 международных встреч

Раньше, подводя итоги футбольного сезона, мы обычно старательно рассматривали таблицу чемпионата, подсчитывали число побед и поражений, сопоставляли вбитые и пропущенные мячи. И лишь на этом основании строили различные выводы и предположения об успехах наших лучших команд.

Нет сомнений: в футболе число вбитых и пропущенных голов имеет решающее значение. Но если одни и те же коллективы будут бесконечно встречаться между собой, то класс их игры не повысится, а понизится.

Минувший сезон отличается от прошлых прежде всего тем, что наши первоклассные команды не только чаще принимали на своих полях сильные зарубежные клубы, но и чаще гостили у них.

В этом году флаги 13 стран развевались на башнях стадионов. Международных встреч было: в 1949 году — 3, в 1950 году — 3, в 1951 году — 17, в 1952 году — 15, в 1953 году — 50!

В этих пятидесяти матчах советские футболисты выиграли 31 встречу, проиграли 10, свели вничью 9.

Международных матчей было в 1953 году больше, чем за последние четыре года вместе взятых. Это — первая особенность сезона. Вторая — заключается в широкой «географии» зарубежных встреч. Третья состоит в том, что наши футболисты состязались с сильнейшими командами Европы: «Гонвед» и клуб им. Дожа (Будапешт), «Рапид» (Вена), сборная Чехословакии и другие.

Напоминаем итоги этих матчей. Первоклассные венгерские клубы в этом сезоне четыре раза играли с советскими футболистами. Два раза выиграли (каждый раз с превосходством в один мяч), один раз проиграли и одну встречу свели к ничьей. Венский «Рапид» потерпел поражение от «Спартака» и выиграл у московских динамовцев (тоже с превосходством в один мяч). Сборная Чехословакии трижды состязалась с московскими клубами; первый раз проиграла, второй — выиграла и третий — свела к ничейному итогу. Упорная борьба!

К этому следует добавить победы, одержанные нашими командами в Болгарии, Польше, Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии и других странах; и в то же время проигрыши футболистам Румынии, Болгарии и Германской Демократической Республике.

Что же показали международные встречи? Прежде всего бросалось в глаза, что техника наших футболистов растет медленно. Это заметно было даже в состязаниях, где советские команды побеждали. Венгры и румыны, например, свободно обращались с мячом на больших скоростях; игроки «Спартака» и «Динамо» уступали им в этом. Неумение играть на больших скоростях особенно сказалось во встречах динамовцев Тбилиси с румынскими футболистами. В какой-то мере это положение послужило причиной и неудач московской команды «Торпедо» в Германской Демократической Республике.

Заметны были также наши промахи в борьбе за высокие мячи. Неточны еще у большинства наших футболистов удары по воротам (это мы, впрочем, наблюдали и у гостей).

Еще и еще раз встает вопрос о повышении техники игры наших футболистов. Многие из них, к сожалению, слишком поздно овладевают мастерством. Видимо, более серьезно нужно отнестись к учебе в юношеских коллективах, чтобы, придя в команды мастеров, игроки уже владели техникой.

Международные встречи выявили и большие положительные стороны советского футбола. Наши команды играют коллективно, дружно. Это прежде всего было заметно у спартаковцев. Выгодное впечатление оставляла гибкая, продуманная тактика игры московского «Спартака» и «Динамо», а также ленинградского «Зенита», который добился больших успехов в Финляндии и Норвегии. Состязания поздней осени показали и хорошую физическую подготовленность игроков.

Сделан лишь первый шаг на пути к повышению класса советского футбола. Теперь нужно готовиться к новым встречам с соперниками, среди которых будут и еще более сильные команды. Только в состязании с командами высокого класса можно повысить мастерство игры в футбол.

М. МЕРЖАНОВ

Самые молодые

Можно ли детям заниматься фигурным катанием на коньках? Не повредит ли это их здоровью, не будет ли помехой в учении такое раннее увлечение спортом? Еще недавно вокруг этих вопросов возникали жаркие споры. Утверждали, что детям дошкольного возраста вообще нельзя становиться на коньки.

Это привело к тому, что фигурное катание — спорт прежде всего юных — стало хиреть, все меньше участников привлекали соревнования. Из года в год чемпионами СССР, Москвы и Ленинграда по фигурному катанию становились люди в возрасте 30—40 лет.

Но вот в 1949 году на стадионе юных пионеров в Москве под руководством заслуженного мастера спорта Т. Гранаткиной была создана школа юных фигуристов. Затем открылись детские школы на стадионе «Динамо» под руководством К. Лихарева, при обществе «Спартак» — под руководством Г. Фелицына, а также при обществе «Искра».

Чемпион СССР В. Захаров и Наташа Седых

Фото С. Томашевского

Именно эти школы выдвинули ряд талантливых фигуристов. Зимой 1953 года чемпионкой Москвы стала тринадцатилетняя Таня Лихарева.

Теперь в нашей стране нет более «молодого» вида спорта, чем фигурное катание. Большинство фигуристов — дети и юноши. Многие из тех, кто в 1949 году впервые встал на лед, сейчас являются спортсменами первого разряда: им от тринадцати до шестнадцати лет. Недаром же чемпиона СССР по фигурному катанию В. Захарова в шутку называют «стариком», ему 20 лет.

Практика последних лет доказала: детям, даже дошкольного возраста, полезно кататься на коньках. (Конечно, под наблюдением опытного тренера и врача). Чтобы убедиться в этом, стоит посмотреть, например, как уверенно чувствует себя на льду пятилетняя Наташа Седых.

Скоро мы увидим многих юных фигуристов на льду — предстоят интересные соревнования. Одно из них будет проведено в Калуге в дни школьных каникул. Здесь встретятся юные фигуристы девяти городов. Эти соревнования называют «малым первенством СССР».

Гимнастику — на стадионы!

Всесоюзное первенство гимнастов, состоявшееся недавно на ленинградском зимнем стадионе с участием команд всех союзных республик, было самым крупным за год соревнованием по этому виду спорта. Присутствовавшие на соревновании представители Международной федерации гимнастики высоко оценили мастерство советских спортсменов.

Возвратившийся в Москву главный судья соревнования Н. Миронов рассказал:

— Известно, что многие директоры стадионов и залов не очень-то охотно соглашаются проводить у себя встречи гимнастов. Считается, что гимнастика принадлежит к тем видам спорта, которые не могут привлечь большого количества зрителей.

В Ленинграде это мнение было опровергнуто самими зрителями. Чуть не с шести часов утра у касс зимнего стадиона выстраивались очереди за билетами. На стадионе менее двух тысяч мест для зрителей. Директор стадиона А. Шкляревский распорядился установить разборные трибуны, что дало еще четыре тысячи мест. И все же только небольшая часть желающих посмотреть соревнования достала билеты. По нашим подсчетам вечерние соревнования могли бы привлечь 15—20 тысяч зрителей.

Это доказывает, что гимнастику надо вынести на стадионы, показывать миллионам зрителей, у которых она пользуется большой любовью. И одновременно пора подумать о строительстве в крупных городах нескольких больших крытых стадионов с трибунами на двадцать и более тысяч человек.

Пока же мы вынуждены проводить даже всесоюзные чемпионаты в помещениях, где с трудом могут разместиться несколько сот зрителей, лишая, таким образом, эти соревнования их огромного пропагандистского значения.

Можно смело утверждать, что та высокая спортивная техника, которой достигли наши лучшие гимнасты, привлечет на стадионы множество зрителей, в особенности если программа таких встреч будет составляться интересно, занимательно.

Рекорд метателя С. Ненашева

5 декабря, в День Конституции СССР, состоялся ряд соревнований. В Златоусте лыжники открыли сезон. В Свердловске состязались конькобежцы. В Москве, в бассейнах и закрытых залах, состоялись встречи пловцов, ватерполистов, волейболистов, баскетболистов.

В Баку, где выступали легкоатлеты, исключительного успеха добился молодой спортсмен, чемпион страны Станислав Ненашев. Он метнул молот на 60 метров 70 сантиметров. Это новый всесоюзный рекорд и один из лучших результатов нынешнего года в мире.

ИСКУССТВО — В БЫТ!

Поднимая уровень жизни советских людей, наш общественный строй развивает новые эстетические потребности народа. Придя с работы домой, люди хотят видеть в своих квартирах красивые вещи — от настольной скульптуры до коврика, скатерти, от пудреницы до рамки для фотографии. Прекрасное не нужно искать: оно живет в народном искусстве.

Все выше растет требовательность советских людей, все чаще критикуют они проявления невнимания к художественному промыслу, факты чиновничьей стандартизации бытового искусства.

«Скрипачка» Каслинское художественное литье из чугуна. (Артель им. Куйбышева в городе Касли, Челябинской области)

О НАСТОЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ

Недавно я получил письмо от знакомой девушки. Находясь под сильным впечатлением только что прочитанного рассказа Глеба Успенского «Выпрямила», она просила меня приобрести для нее в столице статуэтку Венеры Милосской — шедевра, так взволновавшего писателя.

Увы, эта скромная просьба осталась невыполненной.

Эстетические потребности нашего народа неизмеримо выросли. Тысячи людей хотят украсить свои комнаты хорошей копией «Венеры Милосской», «Лаокоона», приобрести копию «Давида» Микеланджело, «Мыслителя» Родена или знаменитого фальконетова «Медного всадника», репродукции лучших произведений советских скульпторов.

Настольная скульптура — не только украшение: она помогает работать, думать, мечтать. Скульптура, широко проникшая в быт, оказывает влияние на подрастающее поколение, прививает любовь к искусству, развивает эстетические чувства.

К сожалению, достать даже в Москве репродукции знаменитых скульптур столь же трудно, как и в том городке, откуда пришло письмо.

На Петровке существует, например, магазин, под броской вывеской «Салон». Он предназначен для торговли произведениями изобразительного искусства. Но в «Салоне» (и об этом писалось не раз, в том числе и в «Литературной газете») нет ни бюстов, ни барельефов, ни даже статуэток из глины. Здесь не увидишь ни произведений наших маститых скульпторов, ни копий с работ молодежи. Скульптурный ассортимент магазина исчерпывается скудным выбором далеко не первосортной керамики в виде однообразных ваз, блеклых в расцветке собак, грубых, неприглядных пепельниц и т. п.

Ту же непривлекательную картину запустения находим мы и в магазине «Художник» на Кузнецком мосту. Продавцы с грустью сообщают нам, что покупатели часто спрашивают настольную скульптуру, но магазин давно уже ничего не получает.

В магазине «Художественные изделия», принадлежащем Мосгорхудожпромсоюзу, скульптура представлена тремя-четырьмя эстонскими керамическими статуэтками и целым стадом животных из тяжелой пластмассы или прессованной металлической крошки «под бронзу». Здесь и слоны, и носороги, и бегемоты...

Чем же объяснить этот «анималистический» уклон? Почему нет копий с известных скульптур, о которых мечтает потребитель? В прошлом году в правлении Всекохудожника нам рассказывали о тяжелых мытарствах с утверждением изящной статуэтки балерины. Статуэтку сочли слишком «легкомысленной», и она не увидела света.

Почему же исчезла настольная скульптура? С таким вопросом обратились мы в управление Московского художественного фонда, поскольку в его ведении находятся главные скульптурные мастерские столицы, а также Гжельский керамический завод, который должен выпускать малую бытовую скульптуру.

Оказалось, что все дело в отсутствии производственной площади. Мастерские Художественного фонда ютятся в маленьких неприспособленных помещениях, а иногда и под открытым небом, и разбросаны по всем концам Москвы. Работники фонда говорят: предоставьте нам помещение, и мы дадим стране много разнообразной художественной настольной скульптуры.

То же самое подтвердил А. Мешкичев — главный инженер скульптурно-производственного комбината, одного из крупнейших предприятий Художественного фонда. Комбинат, по его словам, располагает опытными кадрами, чтобы обеспечить широкий выпуск бытовой скульптуры. «Старые высококвалифицированные мастера, работающие у нас, — добавил он, — были бы рады расширению производства. Это дало бы им возможность передавать свое искусство новому поколению и оставить после себя хорошее наследство».

Побеседовали мы и с директором Гжельского завода А. Цапалиной. Она сказала, что некоторые цехи завода пришли в ветхость и требуют ремонта, многие производственные процессы не механизированы, а главное — мешают мытарства, связанные с утверждением каждой новой модели и ее расценки. Гжельский завод мог бы при создании надлежащих условий без особого напряжения выпускать удовлетворяющую потребителя бытовую скульптуру. В частности, можно было бы наладить массовую репродукцию классических скульптур, если бы заводу дать утвержденные художественные модели и необходимые материалы. Недостатка в опытных мастерах у завода нет.

Непреодолимых препятствий для разрешения «проблемы» производства настольных статуэток не существует. Необходимо лишь предоставить скульптурно-производственным предприятиям сравнительно небольшие помещения, ликвидировать бюрократическую волокиту с утверждением моделей, обязать Художественный фонд по-настоящему возглавить столь важное дело.

Надо верить, что в обстановке крутого подъема всех отраслей народного хозяйства, работающих на удовлетворение потребностей человека, будет создан, наконец, перелом и в производстве подлинно художественной настольной скульптуры.

В. СТАМБУЛОВ

Ваза хохломской росписи по дереву

Далеко за пределами Узбекистана славятся изделия Бухарской золотошвейной артели имени Молотова. На снимке: молодые вышивальщицы Махфират Рахматова (слева) и Эргаш Саматова.

Фото Б. Мазура

Возродить славу Колывани

Кто бывал в ленинградском Эрмитаже, помнит «царицу ваз» — колоссальную чашу из зелено-волнистой яшмы, в которой могли бы свободно разместиться шесть человек. Эта чаша изготовлена больше столетия тому назад на Алтае, в поселке Горная Колывань, на шлифовальной фабрике, ныне камнерезном заводе имени Ползунова.

Яшма — твердый камень. Обработка его нелегка. А ведь создана чаша в эпоху, когда не было машин и станков для обработки камня.

Так ли? Тончайший знаток камня, академик Ферсман разгадал, что и «царица ваз» и другие эрмитажные чаши колыванской фабрики обработаны с помощью машин. Недавно историк алтайской техники Н. Савельев нашел в Барнаульском архиве бумаги и чертежи основателя фабрики Филиппа Стрижкова.

Современник гениальных техников Ползунова и Фролова, камнерезный мастер Стрижков изобрел «сверлительную машину». Она открыла новую страницу в истории обработки твердых камней, в несколько раз ускорив обработку изделий.

Колыванские изделия в XIX веке прославились на весь мир. Когда на всемирных выставках отбирали произведения русского искусства, о колыванских вазах записывали при присуждении медалей, что подобных произведений из камня мир не видел со времен древнего Рима. Выполнение в камне рисунков, присылавшихся из столицы, — работа, требовавшая не только мастерства и художественного вкуса, но и «абсолютного взора», если можно так сказать по аналогии с выражением «абсолютный слух» музыканта.

От поколения к поколению передавалось в Горной Колывани искусство камнерезных мастеров. В прошлом году, к 150-летию завода, чашу из серого порфира сделал пожилой мастер Александр Иванович Воротников. Все его предки со времен Стрижкова работали на фабрике. Ученики Воротникова — тоже потомки мастеров начала XIX века.

Но юбилейная чаша — единственное художественное изделие завода за последние годы. Чем же занят завод? Он принес пользу нашей промышленности, найдя подходящее сырье и наладив выпуск кварцитовых точильных брусков, которые прежде импортировались. Он выпускает агатовые кольца для спиннингов. А в остальном он дублирует другие камнерезные фабрики, изготовляя запонки, брошки, крышки для портсигаров. Между тем особенность алтайских самоцветов — крупный рисунок. Алтайские самоцветы хороши для больших изделий, которые завод перестал выпускать.

В двадцатых годах завод был убыточным. Еще не строилось Московское метро, еще в архитектуре подвизались формалисты, с презрением отвергавшие все, что могло радовать взор. Завод, выпускавший произведения искусства для украшения быта, остался без заказчиков. Но когда советские архитекторы начали строить превосходно оформленные здания, трест «Русские самоцветы» умудрился этого не заметить.

Завод потерял былую славу, трест «Русские самоцветы» уклоняется от производства художественных изделий из твердых самоцветов. Решений о реконструкции завода было несколько, но дело не двинулось. Колыванские чаши, удешевленные серийностью и механизацией их изготовления, несомненно найдут спрос.

Вряд ли можно придумать лучшее оформление для новых станций метро, для высотных зданий, для музеев и домов культуры, чем монументальные, строгие по стилю чаши и вазы из алтайских самоцветов.

Колыванский завод имени Ползунова может и должен наладить выпуск крупных художественных изделий.

А. ИВИЧ

Красота и стандарт

Красивые вещи выпускает артель «Гуцульщина» небольшого прикарпатского городка Косов, Станиславской области. Ножи для бумаги, бокалы для карандашей, пепельницы, пудреницы, рамки для фотографий, шкатулки, шахматы — во всем косовские кустари умеют сочетать тонкость резьбы по дереву с красочностью выжженного и инкрустированного рисунка. Эти вещи недороги, и они с успехом могли бы заменить массу стандартных, зачастую безвкусных изделий, заполняющих магазины галантереи и культтоваров. Но в магазинах не купишь косовских изделий.

Может быть, артель «Гуцульщина» не успевает удовлетворять спрос? Вовсе нет: выход на широкий рынок — вопрос для нее жизненно важный. Единственным предметом массового потребления, который Косов до сих пор поставлял в Москву, была... школьная ручка с резным пояском.

Есть в Косове художественно-промысловая артель имени Тараса Шевченко. Она объединяет кустарей, занимающихся вышивкой и ковроткачеством. Когда во время поездки по гуцульскому краю знакомишься с продукцией артели, приходят на ум невеселые мысли о роли Укрхудожпромсоюза в развитии художественных промыслов на Гуцульщине.

Дело в том, что все образцы косовских художественных изделий утверждаются Станиславским межоблхудожпромсоюзом и Укрхудожпромсоюзом. И вот народные вышивки на безрукавках, ликующие яркие «селенки», своеобразные ленты-ожерелья из бисера, наконец, знаменитые гуцульские сорочки — все это богатство и многообразие при утверждении превращается в несколько видов стандартизованной продукции, лишенной самобытности и индивидуальности в узоре и расцветках.

Есть еще причина того, что национальный костюм в Косове оказывается дедовским наследием. Для выделки его не хватает бисера, шелка, красителей шерсти, нержавеющего металла для поясов.

В перебоях с «сырьем» для гуцульских артелей повинен чаще всего все тот же Укрхудожпромсоюз. Руководители украинской художественно-промысловой кооперации должны разглядеть ценность продукции косовских кустарей и не только сохранить, но и дать новую жизнь традиционному гуцульскому мастерству.

Н. МИЛИЦЫНА

ЛЮДИ И ПИСЬМА

«Я бы очень хотел, чтобы это мое письмо дало, наконец, результаты. Только прошу вас, не отправляйте его сюда для расследования, потому что опять все будет безрезультатно, — критику признают правильной, и все пойдет по-старому».

Так пишет в редакцию читатель Г. Сипливый из Александрии Кировоградской области. Вопросы, которые он поднимает в письме, — сугубо житейские, они волнуют и многих других жителей города: перебои в снабжении некоторыми товарами, неурядицы в благоустройстве. По существу, речь идет о том, что могло бы с успехом быть решено на месте. Ведь есть же в Александрии горисполком, есть другие учреждения, призванные заботиться о нуждах населения. К ним тов. Сипливый обращаться, однако, не хочет. «Об этом уже писали в местной газете, критиковали Горкоммунхоз, а результата нет!»

У нас каждый вправе обращаться по любому вопросу в любую вышестоящую инстанцию. Но как часто в эти инстанции попадают дела, которые можно непосредственно и без проволочек решить на месте!

Вот случай, по-своему характерный.

В Ульяновске, во дворе жилого дома по улице Шевченко, № 104, разместились цехи кошмоваляльной артели. По санитарным правилам такие цехи могут помещаться в специальных зданиях, не ближе чем в 300 метрах от жилых построек. А тут — совсем рядом жилье: дело-то происходит почти в центре города.

На протяжении ряда лет жильцы взывали к горисполкому, чтобы артель перевела свои цехи куда-нибудь подальше.

Но горисполком упорно отмалчивался. В июне прошлого года от жильцов пошла жалоба в редакцию газеты — помогите! И лишь после вмешательства редакции жалоба жильцов была «принята во внимание». Исполком сообщил одновременно и редакции и жильцам, что артели дано указание «до 1 сентября 1952 года убрать со двора дома № 104 кошмоваляльное производство и навести во дворе полный санитарный порядок». Подписал эту бумажку заместитель председателя исполкома тов. Корнев.

Прошло больше года, и в редакцию из Ульяновска, от жильцов того же дома, поступило новое письмо: положение осталось без перемен.

Автору этих строк довелось воочию убедиться, что дело и впрямь за целый год нисколько не сдвинулось с места. И не сдвинулось, видимо, потому, что в сознании некоторых работников Ульяновского горисполкома еще живет пренебрежение к так называемым «мелким» вопросам, к удовлетворению бытовых нужд населения.

— И почему «Литературная газета» заинтересовалась этим делом, непонятно...— недоуменно заметил в разговоре с нами тов. Корнев.

Равнодушие к нуждам живого человека приводит не только к отпискам, к волоките и бюрократизму; дело порой доходит до уродливейших явлений, принимающих характер издевательства. Именно такой случай произошел с инвалидом Н. Токаревым из гор. Спасска, Рязанской области. Он давно и тяжело болен: после контузии в 1943 году у него развилась бронхиальная астма. Тов. Токарев написал в Рязанский облздравотдел, просил устроить его в один из южных госпиталей для лечения. В ответ за подписью заместителя заведующего Рязанским облздравотделом тов. Мачульского пришла бумажка, в которой говорилось, что удовлетворить просьбу Токарева облздравотдел не может «ввиду отсутствия в указанных госпиталях специализированных помещений для больных, страдающих заболеваниями мочеполовой системы» (?!).

Автор отписки, впопыхах решая дело Токарева, даже не потрудился как следует прочесть его письмо.

Существует один довольно распространенный прием волокиты — «пустить дело по инстанциям». Спору нет, иногда направить письмо в соответствующее учреждение бывает нужно, но нередко за этим скрывается то же бездушие, попытка уйти от ответственности, отмахнуться от дела.

Инспектор Мытищинского районо Московской области тов. Арсентьев написал в одну из московских газет о трудном положении семилетней школы в селе Раево-Медведково. Школа не имеет своего здания и расположена в трех помещениях. Учителям приходится, кончив урок в одном месте, мчаться в другое, а оттуда в третье. Школьники занимаются в три смены. Редакция направила письмо без указания фамилии автора в исполком Мособлсовета. И пошло, пошло гулять оно по инстанциям: из Мособлсовета попало в Мытищинский райисполком, оттуда его мигом переправили в районо... И вот в один прекрасный день заведующая районо тов. Козлова вызывает к себе Арсентьева и говорит:

— Тут нам из райисполкома бумаги переслали по поводу Раево-Медведковской школы. Так вы, пожалуйста, займитесь этим, составьте ответ... — и протягивает Арсентьеву его собственное письмо.

Что оставалось делать Арсентьеву? Предоставим дальше слово ему самому:

«Я написал разъяснение по существу письма «неизвестного автора», сообщив в несколько варьированном стиле о всех невзгодах школы, и торжественно вручил уже начинающую разбухать переписку тов. Козловой, которая «в порядке выполнения распоряжения вышестоящего органа» передала мое письмо со всеми «при сем прилагаемыми документами» председателю Мытищинского райисполкома тов. Давыдову, а тот, в свою очередь, «во исполнение вашего распоряжения» и т. д. переслал переписку в Мособлисполком.

Исполком Мособлсовета, установив, что основной контингент учащихся Раево-Медведковской школы — дети рабочих кирпичного завода Министерства путей сообщения, обратился с запросом в это министерство и вскоре сообщил газете, а также мне, что вопрос о строительстве школы будет поставлен перед министерством.

Тем все и кончилось».

***

Письма трудящихся есть проявление народной инициативы, той самой, которую имел в виду В. И. Ленин, когда писал: «...сколько порыва к свету и инициативности развертывается теперь в народных «низах» благодаря советской организации». В своих письмах трудящиеся ведут живой, заинтересованный разговор о самых различных вопросах производства, быта, культуры.

За каждым письмом стоит человек со своими нуждами и запросами. И нет ничего более нетерпимого, чем попытка подменить подлинную заботу о людях «показной» чуткостью, утопить ее в бумажном потоке бюрократических отписок.

«...Критику признают правильной, и все пойдет по-старому», — очень точно охарактеризовал тов. Сипливый порочный, негодный стиль деятельности некоторых руководителей. Такие люди критику признают, потому что «так надо», на жалобу или предложение тотчас «отреагируют», но все это лишь видимость чуткости, а не действительная забота о людях. Потому что за словом не следует дело.

Мы не склонны думать, что все требования, выдвигаемые в письмах, могут быть немедленно удовлетворены. Речь идет о том, что на каждое деловое письмо должен последовать ясный ответ, и если какое-либо предложение признано правильным, если дано обещание принять меры, то меры должны быть приняты.

Очень многое зависит от простой вещи: надо, чтобы уже в первой инстанции работник, от которого зависит решение, взял бы да, не отмахиваясь, честно выполнил свой прямой служебный и человеческий долг.

З. ФАЗИН

Семья Смирновых

Впервые о Николае Павловиче Смирнове я услышал на мичуринской станции в Горно-Алтайске. Здесь после осмотра огромного плодового участка зашел разговор о перспективах садоводства на Алтае.

— Вы будете на Телецком озере? — спросил меня один из собеседников. — Не поленитесь добраться до его южной части, разыщите там метеоролога Смирнова. Вот у него вы увидите чудо-сад в тайге...

Спустя несколько дней, — это было в начале осени, — с трудом перебравшись через холодные горные реки, я достиг села Артубаш и отсюда на паруснике, через Телецкое озеро, отправился к Смирнову. В сумерки мы добрались до большого залива Кыга. Здесь на берегу — всего два домика: в одном находится кордон леспромхоза, в другом живет Смирнов.

По пути я многое узнал о нем: родом москвич, участник гражданской войны, он по совету врачей уехал на Алтай, женился на алтайской девушке, которая ныне является матерью-героиней: она родила и воспитала шестнадцать детей...

Только нос парусника уткнулся в берег, как из-за кустов показалась стриженая голова, за ней вторая, третья... Нас обступили маленькие голубоглазые Смирновы; перебивая друг друга, они сообщили, что отец на озере ловит рыбу, что давно заметили нашу лодку и поспорили с мамой: кто едет — папа или гость?

Пока мы поджидали у костра возвращения Смирнова и ели уху, его жена Дора Захаровна рассказывала о своей семье.

— Смотрите, сколько у меня помощников, — она окинула взглядом детей: одни чистили картофель, другие, поменьше, мыли посуду, мальчик лет двенадцати вел коня к реке. — Здесь не все. Павел и Владимир служат в армии, Любовь работает метеорологом, Ирина учится в педучилище, две дочери поехали в зоотехникум.

— А где учатся дети, ведь школа, наверное, далеко?

— Пока подрастали старшие, у нас, по решению крайисполкома, жили учителя. Теперь есть интернаты при сельских школах, дети уезжают на зиму в Балыкчу.

Совсем уже стемнело, когда к костру подошел глава семьи — худощавый высокий мужчина, с густыми русыми волосами и пушистыми усами, обветренным, но гладко выбритым лицом. Выглядел он куда моложе своих пятидесяти двух лет.

Он сбросил с плеча огромного пудового тайменя и, заметив мое удивление, пояснил:

— Это еще мелюзга! Попадаются весом в шестьдесят килограммов. А ускучь, форель, до десяти килограммов вывешивает. Щука в два метра — обычное явление. Не зря Телецкое озеро по-алтайски называется Алтын-коль — золотым. Да что рыба! Зверя здесь видимо-невидимо. — Он задумчиво перевел взгляд на костер. — Когда я приехал сюда двадцать семь лет назад, одна дремучая тайга была, камни-валуны, звериные тропы. На десятки верст — ни души. А сейчас... Завтра солнце взойдет — сами поглядите.

Когда все собрались в доме, стало особенно заметно, что в этой большой семье царит лад, строго заведенный порядок, взаимное уважение. Две девочки с забавной деловитостью накрывали на стол, в другой комнате кто-то из детей читал книгу. Через двери было видно, как девочки вышивали, а мальчики налаживали радиоприемник.

После ужина ребята простились, и скоро в доме стало тихо. Смирнов стал рассказывать о своем саде. Вместе с сыновьями еще до войны он отвоевал у тайги один гектар. Землю для сада привозили с берега озера. Сегодня в саду уже свыше ста взрослых яблонь и груш, свыше трехсот саженцев ценных сортов плодовых культур. Особенно хорошо плодоносят мичуринские сорта, прижились в саду среднерусские сорта яблонь.

— Садоводство на Алтае вполне возможно, особенно вокруг Телецкого озера, — утверждает Н. Смирнов. — Здесь часто дуют теплые ветры из Монголии, много солнца и влаги. А какое будущее у Чулышманской долины! Благодатное место, правда, пока не освоенное. Но скоро безлюдью придет конец, — леспромхозы все глубже проникают в тайгу, строятся дороги.

На следующее утро я осмотрел сад. Строгими рядами стояли груши и яблони. Под прикрытием могучих кедров приютились пришельцы с далекого юга — два персиковых дерева. Рядом со стройными пихтами красовались два ветвистых дерева грецких орехов. Неподалеку от ярко-желтых зарослей облепихи сгибались виноградные лозы, переселившиеся сюда из Крыма.

...Парус наполнился ветром. Перед нами снова расстилалось Телецкое озеро. Все дальше и дальше уходил скалистый таежный берег. Там стоял высокий человек с непокрытой головой, рядом с ним женщина, а у самой воды, как по команде, выстроились дети. Уже нельзя было различить их лиц, но долго еще было видно, как они махали в знак прощания высоко поднятыми руками.

В. ГУСЕВ

с. АРТУБАШ, Телецкое озеро.

ТВОРЧЕСТВО

В РИГЕ, на улице Ленина, есть магазин с коротким названием «Максла». В переводе — это значит искусство. Посетители подолгу простаивают здесь у стеклянных витрин, где разложены изящные изделия из кожи, дерева, глины, своеобразные тканые вещи, каких не выпускает ни одна фабрика страны. Древнее латышское народное творчество от знаменитой латтальской и тукумской керамики до искусных произведений художников-ткачей. Творчество, возрожденное к жизни в новом прекрасном качестве.

Мастерские художественно-производственного комбината «Максла», где создаются все эти вещи, разбросаны в разных концах города. В неприметных переулках, небольших помещениях — без провожатого и не найдешь — расположены ткацкое, витражное, керамическое производства.

Мое знакомство с комбинатом «Максла» началось с ткацкой. Человеку, попавшему сюда впервые, трудно удержать возглас удивления, так необычен вид цеха со старинными дедовскими станками, без привычного гула машин.

Светловолосая девушка, перебирая деревянные педали, перебрасывает из стороны в сторону громоздкий челнок. На золотистой ткани медленно проступает тонкий национальный орнамент.

— Где вы научились этому искусству?

Удивленный взгляд, сдержанная лукавая улыбка. Заведующая мастерской Элла Мартыновна Двиелис вмешивается в разговор:

— Инта Озолинь кончила школу прикладного искусства.

Мы переходили от станка к станку. Декоративные занавеси с нежной гаммой цветов, пестрые коврики с затейливым орнаментом, серебристые льняные скатерти с чуть заметным шелковистым рисунком, нарядные салфетки. Ни одна вещь не похожа на другую.

Элла Мартыновна коротко поясняет:

— Все наши ткачихи — художницы. Они получили специальное образование в школах прикладного искусства. Каждая (а ткачих — семьдесят пять) создает свою композицию по народным мотивам, сама и выполняет ее на станке.

Самоучек я не обнаружила ни в одной из мастерских комбината «Максла». За гончарным станком керамической мастерской сидели студенты Академии художеств или выпускники той же школы прикладного искусства. Школы прикладного искусства есть в Риге, Лиепае, Екабпилсе.

Много интересного и увлекательного открывает знакомство с мастерскими «Максла». У керамиков, как и в ткацкой, видишь те же примитивные станки, ровесников этого древнего народного искусства. Незначительные изменения претерпел и несложный инструмент гончара. А за станками не самоучки, а художники, не только познавшие в совершенстве искусство дедов, но и обогатившие народное мастерство.

Эдвард Детлав, студент четвертого курса керамического отделения Латвийской академии художеств, показывает свои изделия: чайные сервизы, украшенные тонким, изящным узором, цветные вазы разнообразных стилей тукумской и латгальской керамики.

— Из глины все можно сделать, — убежденно замечает художник. — Это прекрасный материал!

А вещи, действительно, хороши. Но, к сожалению, их очень мало, и разрыв между спросом и предложением не сокращается, а растет.

Поклонников латышского прикладного искусства множество. Среди них и руководители Художественного фонда Союза ССР и оргкомитета Союза советских художников, на чьем попечении находится комбинат «Максла». Но любовь их носит, я сказала бы, платонический характер. А нужны действенная помощь, горячая поддержка энтузиастов.

Дело, конечно, не в том, чтобы «начисто» механизировать производство комбината. Ретивые сторонники такой помощи забывают о разнице между фабричным производством и художественным творчеством. Но как много еще помех в работе художника-прикладника!

Вот один из примеров. Витражное искусство в Латвии существует около пяти столетий. В Риге сохранились еще дома, украшенные этой оригинальной живописью по стеклу. Захиревшее и забытое искусство ныне вновь возрождается. Вернуло его к жизни... московское метро. Первый крупный заказ на оформление станции Новослободская положил начало существованию витражной мастерской и привлек к этой отрасли искусства внимание архитекторов, строителей, художников. Последовали и другие крупные заказы. Витражи для фойе санатория в Сочи, для павильона будущей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, для высотного здания на площади Восстания в Москве. Масштабы немалые. И вот эта единственная в стране витражная мастерская не только размещена в тесном неприспособленном помещении, но терпит нужду в самом необходимом и недорого стоящем оборудовании.

Особенно трудно с материалом. Когда-то витражисты имели в своем распоряжении до тысячи различных оттенков стекла. Такая богатая палитра позволяла создавать тончайшие цветовые переходы. Рижский завод, что находится по соседству с мастерской, специализировался на выпуске такого стекла. Но сейчас он работает для парфюмерной промышленности, а мастера живописи по стеклу получают материал из Брянска. Это так называемое сигнальное стекло, вернее, отходы завода, выпускающего цветное стекло для железных дорог и пароходов страны.

Равнодушие к нуждам художников прикладного искусства можно проиллюстрировать и таким фактом: в продаже нет альбомов с национальными народными латышскими орнаментами, которыми так богата Латвия. Трехтомное издание с народными орнаментами было выпущено в давние годы и представляет сейчас чрезвычайную редкость. Любительницы же рукоделия (а их множество) вынуждены покупать безвкусные, аляповатые образцы вышивок у предприимчивых частных торговцев. Между тем художник комбината «Максла» Жанис Вентаскрас, создавший до четырех тысяч разнообразных образцов орнаментальной живописи, так и не добился издания хотя бы части своих работ.

Латышские художники-прикладники вышли на широкий творческий путь. Никогда не был так велик спрос на их изделия, никогда их искусство не получало столь широкого признания. Пора собрать воедино разбросанные по городу мастерские «Максла», собрать в одном просторном, удобном доме, существующем пока лишь в эскизах, набросках и проектах, и перейти, наконец, от пассивной опеки к действенной помощи художникам-прикладникам.

В. ЕЛИСЕЕВА

РИГА

ДВЕ ПИСАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Леонид ЕЛИСЕЕВ

В жизни писательской организации Чувашии, в редакциях ее печатных органов, на заседаниях правления и творческих секций легко подметить формальное отношение к делу, какое-то равнодушие. Если бы в помещении ССП Чувашии календарь показывал не осень 1953 года, а весну 1951-го, никто бы этого не заметил. В таком утверждении нет преувеличения. Атмосфера самоуспокоенности, царившая здесь два года назад, не изменилась и сейчас. В повестках дня очередных заседаний правления ССП попрежнему много второстепенных вопросов, весьма далеких от литературы, а хороших книг выходит мало. В ежемесячном журнале «Ялав» («Знамя»), в альманахах «Таван Атал» («Родная Волга») и «Дружба» печатаются серые, безликие произведения.

Казалось бы, наличие трех печатных органов должно способствовать творческой активности местных писателей. Но, к сожалению, ведущий журнал «Ялав» попрежнему является не столько гордостью, сколько горестью чувашской писательской организации.

После суровой критики журнала в местной партийной печати редактор А. Эсхель, выступая на собрании писателей, попытался вскрыть причины неудовлетворительной работы журнала. По его мнению, «Ялав» плох потому, что писатели не приносят в редакцию новых произведений: страницы журнала приходится заполнять тем, что оказывается под рукой. Заявление, скажем прямо, оправдывающее пассивность редакции.

А читатель не устает протестовать против рассказов и очерков, в которых еле-еле бьется пульс жизни; он пишет взволнованные и требовательные письма в редакцию, в Союз писателей. (Нужно сказать, эти письма, к стыду организации, иногда остаются нераспечатанными). Возьмем августовскую книжку журнала. Только пустотой редакционного портфеля можно объяснить напечатание слабого рассказа В. Садая «Нет причины сердиться». Давно уже примелькалась в литературе фигура студента, который, возвращаясь из города в родное село, тут же, в поле, не заходя домой, присоединяется к работающим колхозникам. Традиционен в худшем понимании этого слова и образ деда Егора, одного из тех «дедов-бодрячков», которые кочуют из рассказа в рассказ, из повести в повесть многих чувашских писателей.

На упомянутом собрании писателей, в котором приняли участие читатели, указывалось, что в пяти из шестнадцати номеров журнала за 1952—1953 гг. вовсе отсутствуют критические статьи. Из одиннадцати помещенных за это время статей две носят обзорный, поверхностный характер (статьи Н. Ильбека «Создадим хорошие книги для детей» и А. Артемьева «О рассказах»). Журнал за 16 месяцев не опубликовал ни одной работы по вопросам писательского мастерства, не коснулся проблемы типичности в литературе. Не выступают на страницах своего журнала народные поэты Чувашии Я. Ухсай, С. Эльгер, прозаики А. Талвир, К. Турхан и др.

Журнал попрежнему выходит с большим опозданием. Так, номер с редакционной статьей «Великий писатель-революционер», посвященной Н. Г. Чернышевскому, читатели получили в дни, когда страна отмечала уже новую памятную дату — 125-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. Причем статья оказалась неоригинальной. Искренне любящие литературу читатели в открытом письме на имя редактора А. Эсхеля не замедлили указать на источники компиляции — на статьи Е. Боголюбова и Н. Бельчикова.

На недостатки печатных органов ССП Чувашии не раз указывал чувашский обком партии. Критиковались они и на страницах «Литературной газеты». Как же реагировала на критику писательская организация? Установилась незавидная практика: поговорить, пожурить кое-кого, принять соответственное «решение» и успокоиться до следующего неприятного разговора все о тех же ошибках и недостатках. Правление ССП Чувашии 31 июля 1952 года постановило: «Привлечь к активному участию в журнале «Ялав» и альманахе «Родная Волга» всех писателей и, прежде всего, ведущих литераторов. Обязать редакторов журнала «Ялав» и альманаха «Родная Волга» обеспечить полную коллегиальность в работе редакционных коллегий». На заседании правления 29 ноября 1952 года после обсуждения трех номеров журнала постановили: «Поручить А. Эсхелю, В. Алагеру и А. Алга, учитывая высказывания, разработать мероприятия для улучшения журнала «Ялав». 11 февраля 1953 года в протокол снова записывается: «Предложить редколлегии журнала «Ялав» в ближайшее время добиться проведения в жизнь решения правления ССП Чувашии от 31.VII.52 г. по поводу статьи А. Успенского «На положении пасынков», опубликованной в «Литературной газете». 27 апреля 1953 года очередной протокол заседания правления обогатился еще одной записью: «Отметить, что члены и кандидаты ССП все еще мало участвуют в работе журнала». Наконец, 24 сентября постановлено: «Руководящим работникам правления ССП Чувашии конкретнее заниматься работой журнала «Ялав».

«Указать», «обязать», «обеспечить», «предложить», «отметить» — этими словами в правлении ССП Чувашии создается лишь видимость заботы о журнале, а на деле они прикрывают уход от ответственности.

Правление ССП Чувашии (председатель М. Шумилов) равнодушно смотрит на снижение творческой активности писателей. Между тем многие факты вызывают тревогу. Ряд чувашских писателей уходит от вопросов современности, закрывает глаза на глубокие жизненные конфликты современности. В чувашской прозе до сих пор преобладают произведения, написанные на материале войны и первых послевоенных лет. Один из видных чувашских прозаиков Л. Агаков за последние годы не создал значительных произведений и довольствуется многочисленными переизданиями своих старых книг. Такая пассивная позиция устраивает не только Л. Агакова, но и некоторых других писателей. Устраивает ли она читателя? Нет, читатель реагирует на такое положение по-своему. Он не покупает серых книг, и тем более их переизданий. Из 10.000 экземпляров сборника стихов А. Эсхеля «Любимая земля», переизданного за последние семь лет несколько раз, 7971 экземпляр лежит мертвым грузом на складе. Там же нашли себе приют и сборники стихов У. Мишши.

Деловые творческие обсуждения на собраниях секций зачастую подменяются восторженным славословием. На одном из заседаний поэтической секции при обсуждении стихов молодого русского поэта И. Пиняева раздавались голоса, что его «сейчас можно считать в полном смысле слова поэтом». С. Эльгер утверждал: «Пиняев вполне зрелый. Читал его стихи, но мало» (!?). С последним, пожалуй, нетрудно согласиться. Вероятно, Эльгер воздержался бы от выдачи Пиняеву аттестата зрелости, если бы прочитал в альманахе «Дружба» такие строки молодого поэта:

Мой товарищ был в войну танкистом
Первого гвардейского полка.
Под Москвою он давил фашистов
И в Берлине им ломал бока.

«Зрелый», «мастер», «гордость чувашской литературы» — такими эпитетами был обласкан и молодой прозаик А. Артемьев. Как видно, наслушавшись чрезмерных похвал, он, по примеру старших товарищей, опочил от трудов и стал довольствоваться переизданием старых произведений.

Если в писательской организации нет подлинной ответственности за общее дело, то легко теряют чувство ответственности и отдельные писатели. Многие из них «изучают» жизнь из окна Дома Союза писателей. Постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС о мерах дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства ко многому обязывает писателей. Остаться в стороне от этих задач — значит обречь себя на творческое бесплодие.

Заметным оживлением творческой жизни отвечают на деловую критику ближайшие соседи чувашских писателей — их мордовские собратья. Здесь намеренно названа мордовская писательская организация не столько из-за ее близкого соседства, сколько потому, что она болела теми же болезнями, что и писатели Чувашии. В писательской организации Мордовии тоже ощущался творческий спад, не было благополучия в альманахе «Литературная Мордовия». Из суровой, справедливой критики мордовские писатели постарались извлечь урок. На обсуждениях новых рукописей можно услышать деловую принципиальную критику. Проявлено стремление познакомить русского читателя с современной мордовской поэзией: за последние месяцы изданы на русском языке сборники стихов Артура Моро, Никула Эркая, Александра Мартынова, Ильи Девина, Серафима Вечканова.

О том, что писатели Мордовии добиваются оздоровления творческой обстановки, можно судить по характеру обсуждения нового романа мордовского прозаика А. Лукьянова «Светлый путь». А. Лукьянов вынес на суд писательской общественности несовершенное произведение. Автору при разборе недостатков его романа указали и на то, что роман во многом повторяет сюжетные линии «Жатвы» и «Кавалера Золотой Звезды». После того, как А. Лукьянов проделал дополнительную работу, его роман обсудили на заседании правления с участием писательского актива и работников издательства.

Сделала выводы из критики и редакция альманаха «Литературная Мордовия», заметно улучшив работу с авторами. Третья часть романа Я. Слушкина «Семья Кочкуровых», напечатанная в последнем номере альманаха, лучше предыдущих. Альманах стал разнообразнее по тематике, на его страницах появились рассказы и очерки о людях социалистической Мордовии. В критическом отделе следует отметить статью Н. Видманова «О стихах Ильи Кривошеева». Наряду с положительными сторонами творчества одного из старейших мордовских поэтов, критик справедливо указывает и на растянутость, абстрактность и схематизм многих стихов Кривошеева. Вполне обоснован упрек критика в том, что Кривошеев, свидетель огромных социалистических преобразований в Мордовии, не отразил их с должной полнотой в своем творчестве.

Успехи мордовских писателей еще не слишком заметны, у организации еще есть существенные недочеты, но направление в работе взято правильное.

Мы не склонны в нашем сопоставлении двух писательских организаций ставить одну из них в пример другой: как писателям Мордовии, так и писателям Чувашии предстоит много работать, прежде чем они смогут удовлетворить возросшие вкусы читателей. Но следует подчеркнуть старую истину: тот писательский коллектив ближе к творческим достижениям, который отчетливее осознает свою ответственность перед народом, деятельнее работает, смелее развивает критику и самокритику.

Более двухсот горняков города Шахтерска Сталинской области получают по подписке труды классиков марксизма-ленинизма, произведения русских и зарубежных писателей. На снимке: в книжном магазине. Продавец В. Г. Колесникова выдает книги подписчикам — почетному шахтеру горному мастеру шахты № 15 И. П. Босенко (слева) и горному инженеру Г. С. Локшинскому.

Фото С. Гендельмана

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

БОЛЬШЕ ХОРОШИХ ПЕСЕН

Газета «Уральский рабочий» поместила недавно статью Б. Манжоры «Больше песен хороших и разных».

В статье говорится, что композиторы Урала добились некоторых успехов в песенном творчестве. Широкое распространение получили песни «За мир над землей» В. Лаптева на слова Л. Сорокина, песни об Урале композиторов Н. Хлопкова и Ю. Олесова, песни «Нам нужен мир», «Звездочка» и «Песня о Свердловске» Б. Гибалина и др.

Однако, пишет автор, «художественные запросы советских людей выросли неизмеримо. Уральцы хотят слышать не только (старые, к сожалению, традиционные) громогласные торжественные песни об Урале, в которых часто вместо художественного раскрытия образов перечисляются геологические богатства Урала или продукция уральских заводов... Уральцы хотят услышать песни веселые, плясовые, которыми можно было бы сопровождать пляски в концертах художественной самодеятельности, а в праздники под такую песню и поплясать дома в семье. Нужны и задушевные песни — воспоминания о событиях недавно минувших дней, и громкие хоровые песни в несложном изложении, доступные для любых составов исполнителей».

Статья отмечает, что композиторы плохо знают жизнь и музыкальный быт уральцев. Об этом говорят «результаты конкурса на массовую песню об Урале, проведенного Свердловским отделением ССК и редакцией газеты «Уральский рабочий» зимой 1952/53 г. Жюри конкурса вообще не нашло возможным присудить первую премию. Ни одна из вторых премий не была присуждена ни композитору-профессионалу, ни поэту».

«Мало и слабо работают над созданием новых песен, — говорится в статье, — местные поэты. Можно прямо сказать: половина творческих неудач свердловских композиторов в области песни происходит по вине поэтов. Отчаявшись найти хороший текст для песни, композиторы обращаются к малохудожественным «стихам», вроде:

Урал знаменитый,
Массивы гранита,
Руда и бокситы(!)

—так «поется» в песне Г. Белоглазова «Вершины Урала» на слова В. Тарбеева».

Подчеркивая, что нередко композиторы прибегают к усложненной, так называемой «развернутой форме» песни, газета пишет: «Конечно, нам нужны всякие песни, и, может быть, все эти попытки сами по себе хороши, как стремление творчески развить песенные формы, но следует еще раз напомнить свердловским композиторам, что уральцы ждут от них простой, предельно ясной по форме, хорошей по тексту, яркой по музыкальному языку песни».

Газета своевременно подняла некоторые вопросы песенного творчества. Это тем более важно, что вскоре предстоит VII пленум правления Союза советских композиторов, посвященный советской песне.

Алексей ЮГОВ

КНИГА О СМЕЛОЙ МЫСЛИ

Одним из проявлений непрерывного роста культуры нашего общества является огромная потребность массового читателя в общедоступных трудах, вводящих его в существо современной науки вообще и науки отечественной в особенности. Любая область, любой раздел современных знаний влекут к себе многомиллионного советского читателя.

Но ширится не только потребность,— возрастает и требовательность читателя к научно-популярной книге. Давно прошли те времена, когда писателем-популяризатором считался каждый, кто более или менее грамотно мог излагать азы науки. Сейчас в этом благородном деле, наряду с маститыми учеными, участвует ряд писателей и журналистов, обладающих немалой подготовкой. Именно к этому разряду и принадлежит автор книги «О смелой мысли» Владимир Орлов, инженер, изобретатель и писатель-публицист.

Отличительным качеством популяризаторской работы Орлова является ёмкость повествования. В небольшой по размеру книжке вместились, не тесня друг друга, многие узловые вопросы физики электричества в неразрывном единстве с электротехникой, физики поверхностных явлений применительно к современной технике.

Книга содержит сжатые и выразительные очерки жизни и творчества таких деятелей русской науки, как Василий Петров, П. Н. Яблочков, А. Н. Лодыгин, Н. Г. Славянов, Н. Н. Бенардос, Е. О. Патон, С. И. Вавилов и др. Эти люди смелой мысли даны в их творчестве, в их жизненном деле, в призвании, борьбе. Казалось бы, при такой насыщенности разнообразным содержанием и малом объеме книги невозможно добиться цельности материала. Но пестрая череда вещей, явлений, технических процессов, описанных в книге, во всех своих звеньях скреплена в единую цепь научным «подтекстом». Этим подтекстом, поначалу невидимым, является идея о внутренней связи явлений.

Мы находим здесь интересный пример того, как научное содержание книги определяет собой ее литературную композицию. Главки-эпизоды преемственны по отношению друг к другу. Переставить их нельзя: нарушится построение. Почти каждая главка рассказывает об одном из взлетов смелой мысли отечественных ученых и изобретателей. Рассказ этот всегда драматичен. Нам хочется привести один отрывок такого рода, показывающий характер описания и метод развития темы.

«На московских площадях вырастают каркасы высотных зданий строго и правильно, как громадные кристаллы. Водопады огненных брызг свисают со стальных перекладин, как хвосты огненных павлинов. Ночью кажется, что каркасы высотных зданий — это клетки, где живут жар-птицы...

Полтораста лет назад одиноко сияла дуга в лаборатории академика Петрова. Тщетно рвались ее лучи из узких окон лаборатории и запутывались в черной сети темной пустынного академического парка.

А тем временем в темных и чадных кузницах полуголые кузнецы, надсаживаясь из последних сил, тяжкими молотами склепывали раскаленное железо.

Свет науки не достигал их...»

Дальше рассказ переходит к открытию советского ученого Хренова — электросварке под водой.

«Хренов знал, что от жара дуги под водой вздувается газовый пузырь и внутри него, как в хрустальном шаре, сможет мирно гореть электрическая дуга».

«Большое в малом» — этот остроумный, занимательный, но и многотрудный способ показа научного материала в повседневности без натяжек выдержан автором. С некоторым как бы вызовом, он нарочито избирает для показа великих открытий нечто «пустяковое»: дым, пыль, тень, пузыри и т. д. Но на самом деле это рассказы о большом: о силе человеческого разума, о смелой мысли, умеющей отыскивать великое в малом. Раскрыв глубокую физическую сущность этих «пустяков», автор имеет полное право сказать в конце своего повествования:

«Мимолетные, ускользающие, неуловимые помогают нам в труде и в бою.

...Умейте видеть большое в малом».

Книга В. Орлова дает повод задуматься над тем, какие качества позволяют нам считать популяризацию художественной. Неотъемлемыми атрибутами образного изложения, мы полагаем, является мыслеёмкость, во-первых, и предметность, во-вторых. Что касается первой, то еще Пушкин сказал, что проза требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат. Под термином «предметность» мы понимаем слитие двух понятий: определенности и вещественности. Самоочевидно, что оба эти качества могут быть достигнуты лишь при том условии, если писатель чувствует себя хозяином в предмете изложения и в родном языке, в его словаре. Почти любая страница книги «О смелой мысли» могла бы быть приведена в подтверждение сказанного.

Но и другие приемы образного изложения, как, например, расширенное уподобление, хорошо «работают» в книге. Иногда это уподобление еще более расширяется тем, что определяет построение целой главы. Примером тому является рассказ о том, как одному историку техники принесли старую картину с изображением двух простых людей из народа. Фигуры были написаны на сплошном черном фоне. Черный фон показался историку подозрительным. Историк осторожно, ваткой, смоченной в скипидаре, стал смывать с края черную краску. И тогда из-под ватки появился клочок голубого неба, облачко. Облачко было клубом пара. Когда черная краска сошла вся, оказалось, что на заднем плане — паровозик с большими колесами и с трубой, длинной, как перевернутая бутылка. Историк понял, что нашел портрет Черепановых — гениальных изобретателей первого русского паровоза. «Видно, чья-то злая, завистливая кисть попыталась вычеркнуть из истории знаменитое русское изобретение, — пишет Орлов, — превратить великих русских изобретателей вновь в безвестных простых людей». Далее автор, используя тот же символ — черной краски, — сильно и кратко рассказал о трагической борьбе русского академика Василия Петрова, открывшего за восемь лет до Деви электрическую дугу. Петров подвергся тем не менее жестокой травле со стороны царских чиновников вкупе с некоторыми иностранцами, врагами нашего отечества. «И они набросились на светоч, зажженный русским ученым, как пещерные летучие мыши на горящую свечу».

В справедливой борьбе за восстановление истины в вопросах научного первенства книга В. Орлова займет свое почетное место.

Конечно, не все на одинаковом уровне в этой его работе. Местами остается еще неясность описания технической стороны дела. Так, например, как мы ни старались, а все ж не могли представить, почему в «свече Яблочкова» никак не мог удержаться «на вершинах стерженьков ослепительный мост». Кое-где в стремлении к занимательности автор теряет чувство меры.

...Отдельные эти недочеты ничуть не ослабляют вывода о ценности книги Владимира Орлова.

Владимир Орлов. «О смелой мысли». «Молодая гвардия». 1953 г.

К. ГОРБУНОВ

Новый роман Федора Панферова

Литературные заметки

1. Федор Панферов знает жизнь не с чужих слов. На солнечные наши магистрали, на широкие просторы страны и в закоулки быта, где еще копошатся человечки вчерашнего дня, он смотрит смело и требовательно: ломай, рушь гнилье! Находи и поддерживай побеги молодости! Но не в каждом случае новое возвещает о своем появлении на свет громким криком. А старое пытается спрятать в тени или же загримировать под молодость свои одряхлевшие черты. Все это надо видеть, слышать и различать. У Панферова острый взгляд и слух.

Федор Панферов — художник резких красок и звучания, угловатого, но по-своему выразительного почерка. У него люди редко говорят вполголоса и почти не ходят мягкой поступью, а закат — чаще пышет, нежели «робко догорает». Но характерный его талант порою теряет ориентиры, и тогда колоритный рисунок искажают неверные штрихи, самобытность превращается в безвкусицу, а своеобразие письма портят чернильные пятна.

Первая книга романа «Волга-матушка река», опубликованная в журнале «Знамя», вызывает большой интерес читателей. В библиотеках и просто при встречах идут споры. Одним роман нравится, другим не нравится, но все сходятся на том, что произведение это затрагивает насущнейшие вопросы наших дней.

В советской литературе должны быть свободно выражены самые разнообразные стили, манеры и направления, лишь бы они сливались в одном вместительном русле социалистического реализма. Можно и нужно спорить о том, что в романе Панферова звучит полным голосом, а что глухо или фальшиво, необходимо обсуждать степень мастерства и правдивости таланта, но нельзя обходить молчанием книгу, как это делает наша критика.

2. В «Волге-матушке реке» получают развитие наиболее сильные черты дарования Федора Панферова, и в то же время все еще очень ощутимы свойственные ему недостатки.

Роман открывается картиной шумного порта в Горьком, а далее — плавно и привольно потекла Волга к низовьям, все расширяясь в берегах.

Таково начало путешествия партийного работника Акима Петровича Морева и его спутника — академика Ивана Евдокимовича Бахарева. Они едут в областной город Приволжск, в районы самой кипучей борьбы за преобразование природы. Мореву предстоит занять руководящий пост в областном комитете партии. Бахарев должен обследовать и фактически возглавить работы по озеленению и обводнению степей в низовьях Волги. Один — яростный враг кабинетной учености, одержимый идеей победы над суховеем — этим «языком пустыни», слизывающим тысячи гектаров всходов. Второй — озабочен своим назначением. Надо возглавить огромное государственное дело и отвечать за него.

И Морев приступает к своим обязанностям, не полагаясь на одно лишь чутье или энтузиазм. Он настойчиво, досконально изучает область. В степь скоро придет «большая вода» Цимлянского моря,— надо съездить на строительство Волго-Донского канала. Большой город Приволжск заново возводится после разрушений, причиненных войной,— обойди улицы, загляни в отдельные дома. Не получается с лесонасаждениями. В чем тут помеха, а, возможно, и ошибки? На кого следует опереться в работе? Морев присматривается к людям и видит талантливую колхозницу Анну Арбузину, вырастившую прекрасный сад наперекор беспощадному суховею и степным морозам. Знакомится с зоотехником Еленой Синицыной, предложившей радикальный способ лечения анемии лошадей. Встречается с секретарем Разломовского райкома партии Лагутиным и председателем райисполкома Назаровым. Вот они — золотые руки, думающие головы.

Партийная деловитость героя, быстрый ум, не путающийся в мелочах, способный и к анализу, и к обобщениям,—вот черты Морева, располагающие к нему читателя.

По мере развертывания сюжета более зримо выступает основной замысел писателя — глубокий и значительный, подсказанный ему жизнью в те дни, когда в советском обществе вызревали знаменательные явления. Партия своевременно вскрыла эти процессы и на девятнадцатом своем съезде и в последующих решениях всемирно-исторического значения указала путь развития.

3. Аким Морев всем существом политического деятеля понял эти решения, призывающие подумать над тем, как в новых условиях должен работать партийный руководитель.

Именно поиски более разносторонних и гибких, отвечающих велениям жизни, форм и методов руководства — это и составляет существо натуры Акима Морева. Раскрытие и художественная пропаганда этих методов являются коренным содержанием «Волги-матушки реки».

На наш взгляд, Панферов, в главном, смело и правильно решил трудную творческую задачу, приблизился к созданию полнокровного и содержательного образа современного партийного работника.

Аким Морев с пониманием дела и со всей страстью рвется служить народу. Это у него органическая потребность. Но в Приволжской области творится нечто странное. При перенесении ряда сел из зоны затопления «большой водой» по чьей-то тупости не предусмотрена одна «мелочь»: новоселы оставлены без колодцев. Приволжск встает из руин красавцем, но сами строители ютятся в бывших блиндажах. Морев яростно ополчается против таких безобразий. Он обращается в Центральный Комитет партии и получает поддержку.

В борьбе Мореву действенно помогают умный и рачительный секретарь обкома по промышленности Александр Пухов, начальник строительства приволжского гидроузла — Ларин, секретари райкомов Астафьев и Лагутин, академик Бахарев и другие. Без них Морев был бы всего лишь благородным одиночкой. Они без него вряд ли смогли бы объединить свои силы.

4. До приезда и избрания Морева партийной организацией области ряд лет руководил Семен Павлович Малинов — человек волевой, с диктаторскими замашками, умеющий быстро и поверхностно ориентироваться в том или ином вопросе, а потом представить себя знатоком и «произвести впечатление».

Перед войной он занимал пост секретаря горкома, а в дни защиты Приволжска от фашистов был начальником штаба обороны — должность полувоенная, полугражданская. Но Семен Павлович переоценил эту роль и представил себя чуть ли не спасителем города. Вероятно, он своей распорядительностью все же принес немалую пользу. После войны его избрали первым секретарем обкома. Избрали, надо полагать, учитывая действительные заслуги.

Таким, объективно представляется образ Малинова, если отвлечься от авторских излишеств в трактовке этой фигуры.

Дальнейшая судьба Семена Малинова зависела от того, в каком направлении он стал бы изменяться после выдвижения на еще более ответственный пост. Получат ли развитие положительные начала или их паразитически заглушат дурные свойства.

Случилось последнее. Лень и самодовольство обволакивали его клейкой паутиной. Алкоголь разрушал нервную систему. И возник еще один недуг, не менее страшный, чем рак: эгоизм ослепленного властью и потерявшего стыд человека.

Особенно непригляден Малинов в личном поведении, в быту. Он встречает Морева откровенно пошлыми разговорами: «Обмыть новую квартиру надо?». «А ты, значит, сюда один... без жены? Ну, конечно, зачем в Тулу ехать со своим самоваром».

Нравы в семье этого одуревшего феодального князька таковы, что мало руками развести. Брата своего — подростка-школьника — он за обедом «воспитывает» следующими наказаниями и поощрениями: «А тебе рислингу. Хлебай эту жижу... Пятерку принес — пей коньяк, четверку — водку, тройку — дуй рислинг».

Авторитет Малинова катастрофически падал. И чтобы «подпереть» репутацию, он обзаводится соответствующим окружением. Это — испорченный прикосновением к власти помощник Петин; начитанный поставщик необходимых цитат, второй секретарь горкома Сухожилин; туповатый директор треста совхозов Лосев; Мордвинов — секретарь обкома по сельскому хозяйству, которого «никак не поймешь»; областной агроном Якутов — законченный обскурант от науки. В атмосфере гнилых нравов долго скрывался некто Смельчаков, он же Раушенбах — злостный обманщик партии, возможно, и прямой враг.

К этой компании «работяг» прилипли «жучки» и «кадрики», которые чуть ли не обожествляли Малинова и всячески душили критику. Писатель показывает, что катастрофа их закономерна, так как социалистическому обществу, где принципы коллективизма глубоко внедрились в сознание людей, чужды «сверхчеловеки», стремящиеся утвердить культ своей личности.

Следует упрекнуть Ф. Панферова в том, что сатирическое изображение Малинова иногда переходит в шарж, но большая заслуга писателя прежде всего в том, что он на страницах романа темпераментно передал возмущение и гнев народа против бездарных руководителей малиновского пошиба. Смело и на конкретном, глубоко изученном материале Панферов вскрыл и заклеймил антинародные деяния горе-работников, врагов всего нового, отколовшихся от жизни, потерявших доверие трудящихся. В отрицательных персонажах произведения читатели, несомненно, узнают тех «деятелей», которые еще пытаются громкой фразой прикрыть свою непригодность к руководству, цепляются за старое, отжившее,— узнают и обрушат на них справедливую критику.

5. Вырвавшись из угарного мирка малиновщины, читатель снова устремляет свои взоры к Мореву и его друзьям. И они не обманывают ожиданий. Каждый из них самозабвенно трудится на своем посту. Пухов изживает штурмовщину, лихорадившую крупнейшее предприятие Приволжска — автомобильный завод. Елена Синицына при поддержке общественности ломает бюрократические преграды, мешавшие ей в научных поисках. Начальник строительства Приволжского гидроузла — горячий Ларин шире разворачивает фронт работ.

А как держится сам Морев? Кажется, ему легче всего было бы разогнать всех малиновцев. Но он решает по-иному, по-хозяйски поправляет и воспитывает людей. И вот в председателе облисполкома Опарине просыпается самостоятельность, на время подавленная Малиновым. Какие-то шоры начинают сползать с глаз директора треста совхозов Лосева, ранее поклонявшегося устарелым инструкциям.

Однако сейчас же следует заметить автору: наметив правильный способ перевоспитания, он не привел достаточно веских художественных мотивировок, убеждающих в подлинном исправлении этих людей. Панферов зачастую ограничивается здесь информационными справками. И потому плохо веришь в то, что из малиновцев получатся толковые помощники Морева.

И уже решительное возражение вызывает отношение Морева ко второму секретарю горкома — Сухожилину. Позиция писателя в данном случае ничем не оправдана, бережность оборачивается либерализмом. Ведь уже после выявления всех безобразий в области Сухожилин написал вредную статью, «теоретически» как бы обеляющую произвол приволжских самодуров. А перед этим бюро обкома поручило ему разобраться в делах «жучков» и «кадриков». И Сухожилин записал в «жучки» добрую половину партийной организации! Есть ли основания надеяться на «перевоспитание» Сухожилина?

...Перед Моревым встает вопрос: как заставить земли Левобережья родить хлеб? Травопольная система введена здесь Якутовым скоропалительно, чтобы скомпрометировать ее. Морев тщательно обследует район. Обращается за советом к старому, умудренному долгой жизнью колхознику Елизару Панкратьевичу. И тот, опираясь на многолетний опыт, советует до прихода «большой воды» сеять на лиманах.

Но народный хозяйственный опыт ограничен и местом и временем. Широкие обобщения может дать лишь передовая наука, использующая этот опыт. И вопросы науки все больше и больше занимают места в повестках дня заседаний бюро обкома, в повседневной деятельности коммунистов. Это знаменательное явление верно подмечено писателем.

Однако общество еще не во всем властно над природой. И знания и энергия людей порою вынуждены отступать перед слепым разгулом стихий. Эта горькая правда мужественно высказана в «Волге-матушке реке». Ранней весной после оттепели в области вдруг грянул крепчайший мороз со свирепым ветром. Степь на сотни километров превратилась в сплошной ледяной каток. Опытный чабан Егор Пряхин до полного изнеможения гнал отары, стараясь добраться с ними до кормов, до мест, защищенных от стужи. Но овцы, не вынеся жестоких испытаний, падали тысячами.

Разбойный набег стихии, самоотверженная борьба с нею показаны Панферовым с подлинным мастерством. Изображение здесь так предметно и впечатляюще, что мы как бы физически ощущаем то обжигающий суховей пустыни, то леденящее дыхание степного морозного ветра. И все же драма эта не подрывает веры в конечную победу человеческого разума над произволом разрушительных сил, наоборот, мобилизует на решительную борьбу с ними.

Аким Морев слушает по телефону ободряющее сообщение секретаря Центрального Комитета партии Муратова:

«На заседании Политбюро было сказано, что до сих пор люди только оборонялись от злых сил природы. Нам положено от обороны перейти в наступление и всеми разумными средствами, всеми разумными мерами разгромить злейшего врага. Товарищ Сталин сказал: «Мы это делаем в соответствии с думами и устремлениями народа. Советского народа».

(Окончание на 4-й стр.)

Начиная статьей К. Горбунова обсуждение романа Ф. Панферова «Волга-матушка река» («Знамя», №№ 8 и 9), редакция приглашает писателей, критиков и читателей принять участие в этом обсуждении.

Как живут крестьяне в Западной Германии

Предоставим слово западногерманскому крестьянину Альфреду Хартлю, проживающему в Верхнем Пфальце:

— Недалеко от моего двора находится княжеское имение Гогенцоллернов, — рассказывает Хартль.— Я указал князю на то, что соседние крестьяне беднеют, что их доходы непрерывно уменьшаются. Представьте себе, он нагло ответил мне, что в этом виновата... неблагоприятная погода, хотя ему так же хорошо, как и нам, известно, что является подлинной причиной этого положения: непрерывный рост налогов. Импорт нанесет нам последний удар. Цена за импортированную пшеницу на 3 марки ниже, чем цена немецкой пшеницы. Так же плачевно обстоит дело с жирами, мясом и овощами. Каким образом я могу купить себе машины? Откуда мне взять на это средства при постоянно повышающихся ценах? И все это князь Гогенцоллерн называет «неблагоприятной погодой»!

Таковы заботы Альфреда Хартля. Его рассказ привела на своих страницах газета «Нейес Дейчланд». А вот как выглядит общая картина жизни крестьян в Западной Германии.

В начале этого года в разных районах Западной Германии проводилось обследование крестьянских дворов. Анализируя результаты этого обследования, буржуазный журнал «Агрардинст», выходящий в Гамбурге, пришел к выводу, что западногерманские крестьяне «живут в ужасающих условиях».

За годы пребывания у власти реваншистской клики Аденауэра около полумиллиона крестьян оставили родные места. Бегство из деревни объясняется очень просто: крестьяне в поисках заработка уходят в города и здесь вливаются в и без того огромную армию безработных. «Но бегство из деревень не вызывает недовольства в Бонне, — признает известный баварский крестьянский деятель Рихард Шерингер.— Чем больше появляется покинутых дворов, тем больше земли приобретают помещики, тем быстрее растет армия безработных и тем больше оснований полагать, что удастся вербовать молодых крестьян в качестве пушечного мяса...»

Эта ставка на дальнейшее обогащение крупных помещиков и превращение западногерманских крестьян в солдат реваншистского вермахта вполне соответствует всей политике боннского правительства.

На окраине западногерманского города Люнебурга возник поселок, «дома» которого построены из старых ящиков, картона, обломков досок. Сотни трудоспособных мужчин и женщин, потерявших всякую надежду получить хоть какую-нибудь работу, ютятся в этих конурах в самых ужасных условиях. «Этим людям нечего терять; они дошли до предела нищеты», — пишет западногерманское агентство печати. На фото — один из жителей поселка у дверей своего «дома».

Снимок из немецкого журнала «Нейе берлинер иллюстрирте»

При поддержке англо-американских оккупационных властей в Западной Германии была проведена земельная «реформа», которая ничего не дала крестьянам и вполне устроила помещиков.

Эта «реформа» не только сохранила в полной неприкосновенности земельные владения крупных аграриев, но укрепила их могущество за счет разорения сотен тысяч мелких и средних крестьянских хозяйств. «Отчуждаются не гигантские владения юнкерства, которые могли бы обеспечить существование малоземельных крестьян, их сыновей, переселенцев и сельскохозяйственных рабочих. Нет, отчуждают землю крестьян-бедняков для того, чтобы укрепить хозяйства крупных аграриев», — говорит Рихард Шерингер.

«Статистический ежегодник федеральной республики» приводит следующие любопытные данные: в Западной Германии на долю 55 процентов всех крестьянских дворов приходится едва 10,9 процента сельскохозяйственной площади. В то же время 0,7 процента крупных хозяйств располагают 29,7 процентами всей обрабатываемой земельной площади. Эта разница в распределении земли станет еще более наглядной, если подсчитать, сколько земли приходится в среднем на душу в каждой группе. По официальным западногерманским данным, в семьях мелких крестьян на человека приходится всего лишь по полгектара земли, а в семьях крупных помещиков — более 530 гектаров!

Так называемая земельная «реформа» в Западной Германии сохранила в неприкосновенности крупное юнкерское землевладение. Следовательно, экономическая и политическая власть в западногерманской деревне осталась попрежнему в руках крупных помещиков, а также промышленных магнатов, вроде военного преступника Круппа, которому в одном лишь Ганновере принадлежат 4 тысячи гектаров земли.

Но западногерманские крестьяне страдают не только от безземелья. Их душат налоги. «По тысячам наших мелких крестьянских хозяйств тяжело ударяет налоговая политика федерального правительства», — заявил президент Пфальцского объединения крестьян и виноградарей Фрелих. Налоговое обложение крестьян при Аденауэре превзошло размер налогов во времена гитлеровцев. В самом деле, крестьянин в Западной Германии платит сейчас с гектара в семь раз больше, чем платил в 1938/39 бюджетном году, т. е. в период подготовки Гитлером второй мировой войны. Но и этого мало. Министр финансов Шеффер предложил дополнительно увеличить до 40 процентов долю отчислений в боннскую казну от доходов западногерманских земель. За счет налогов Аденауэр и его клика хотят покрыть расходы на гонку вооружений.

Задавленные высокими налогами и ростом цен на сельскохозяйственный инвентарь и удобрения, крестьяне залезают в долги. Уже в 1949 году эта задолженность достигла солидной суммы — 2 миллиарда марок. А сегодня в результате хозяйничанья Аденауэра и его клики она превысила 5 миллиардов марок. Крестьяне берут в долг под ростовщические проценты — выигрывают от этого помещики.

Вот что рассказал об этом огородник из Западной Германии, участвовавший в качестве гостя на совещании крестьян Германской Демократической Республики в Лейпциге:

— Я просил выдать мне 4 тысячи марок ссуды. За это я должен был выполнить следующее: отдать право на полученный по наследству от отца дом, уплачивать 480 марок в год в качестве процентов, выдать обязательство погасить в течение первого года 2220 марок и выполнить другие кабальные условия.

Жизненный уровень западногерманских крестьян и их семей неуклонно снижается. О том, насколько далеко зашло обнищание сельского населения Западной Германии, говорит хотя бы такой факт: по сравнению с довоенным временем реальный доход мелких и средних крестьян уменьшился в среднем наполовину. Очень чувствительно дают себя знать «ножницы» — разница в ценах на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. В настоящее время в Западной Германии цены на промышленные изделия превышают цены на сельскохозяйственные продукты на 18 процентов. А это, разумеется, сильно ударяет по интересам крестьян.

Но это — только одна сторона дела. Другая заключается в том, что западногерманские крестьяне не могут сбыть производимые ими продукты. Установить причину такого положения легко: США превратили Западную Германию в рынок для своих товаров. В то время как продукция западногерманских овощеводов и садоводов гниет на складах, правительство Аденауэра увеличило ввоз овощей на 40 процентов и фруктов на 30 процентов. Естественно, что немецкие крестьяне, лишенные возможности пользоваться дорогостоящими удобрениями и сельскохозяйственными машинами, задавленные оккупационными и другими налогами, не в состоянии конкурировать с американским продовольствием, навязываемым Западной Германии заокеанскими «благодетелями».

В Западной Германии из года в год сокращаются посевные площади. Например, посевы овощных культур с 1947 по 1951 год сократились в несколько раз. Уменьшились также посевные площади под масличными культурами и сахарной свеклой. Издающийся во Франкфурте-на-Майне экономический журнал «Дер фольксвирт» в начале этого года признал, что во многих районах Западной Германии пахотная земля вообще больше не обрабатывается. По словам журнала, сокращение площади пахотных земель в некоторых местностях приняло «угрожающие размеры» и привело к тому, что на карте Западной Германии многие сельскохозяйственные районы стали «белыми пятнами»...

Почему так получается? Ответ на этот вопрос дает политика ремилитаризации и раскола Германии, проводимая боннскими реваншистами. Выходящая в Эссене газета «Нейе фольксцейтунг» в конце прошлого года сообщила, что в ходе военных приготовлений англо-американские оккупационные власти конфисковали в Западной Германии полмиллиона гектаров полезной сельскохозяйственной площади. В результате этой «операции» 70 тысяч крестьян были согнаны со своих наделов.

Крестьянское население Западной Германии страдает от американской оккупации. Боннские правители отдали в распоряжение оккупантов огромные территории, лишили сотни тысяч жителей земли и крова и превратили целые области в «мертвые зоны» — полигоны, аэродромы, учебные плацы... Всего оккупационные власти конфисковали — с благословения аденауэровского правительства — полмиллиона гектаров возделываемой земли и продолжают захватывать все новые и новые территории.

Семья штутгартского жителя Альбуса вкушает одну из аденауэровских «свобод» — свободу жить под мостом.

Снимок из западногерманского журнала «Дер Штерн».

Страшным бичом для крестьянских хозяйств Западной Германии являются маневры англо-американских войск. Во время недавних учений в Люнебургской степи незадолго до уборки урожая было уничтожено 40 процентов всех посевов; на полях одной только деревни Ветцен танки истоптали 330 тысяч квадратных метров засеянной площади. Даже по весьма скромным подсчетам боннских властей ущерб, нанесенный сельскому хозяйству Западной Германии маневрами войск западных держав и систематическими реквизициями земельных угодий, исчисляется десятками миллиардов марок.

Правительство Аденауэра проводит политику, глубоко враждебную интересам немецкого крестьянства и угодную западногерманским помещикам и иностранным монополистам. Вот почему большинство крестьян Западной Германии бьется в тисках нужды и не может свести концы с концами.

У трудового крестьянства Западной Германии есть только один выход. Это — борьба за прекращение ремилитаризации, проводимой боннской кликой, борьба за мирное воссоединение Германии. «Только таким образом,— подчеркивается в резолюции конференции западногерманских крестьян, состоявшейся в марте этого года в Маннгейме,— возможно восстановить единство и свободу немецкой нации, лишь этим путем можно спасти немецких крестьян от полного разорения».

А пока тысячи из них запутываются в долгах и разоряются. Других нищета и разорение поджидают в ближайшем будущем. На этот счет имеется красноречивое заявление бывшего боннского министра сельского хозяйства Никласа, который признал, что в настоящее время под угрозой разорения находятся 700—800 тысяч мелких крестьян, а это составляет почти одну треть всех хозяйств Западной Германии.

Не исключено, что раньше или позже в их число попадет и Альфред Хартль, западногерманский крестьянин из Верхнего Пфальца. Но причиной тому будет вовсе не плохая погода, как это утверждает его «сосед» — князь Гогенцоллерн, склонный объяснять безвыходное положение крестьян Западной Германии атмосферными явлениями. Реваншистская политика Аденауэра и К° — вот первопричина всех бед Альфреда Хартля и его соотечественников-крестьян.

Ю. ЗАОСТРОВСКИЙ

Международная почта

„ОХОТА НА ВЕДЬМ" В АНГЛИИ

Газета «Рейнольдс ньюс» приводит ряд фактов, свидетельствующих о том, что в Англии усиливается преследование прогрессивно настроенных людей. Газета пишет, что недавно карьера нескольких студентов и государственных служащих была испорчена: они были объявлены коммунистами, и началось расследование их деятельности, подобно тому, как это практикует сенатор Маккарти в Соединенных Штатах.

«Мы поздравляем Англию с тесными узами, которые связывают ее с Америкой...»

Рисунок и подпись из английской газеты «Дейли уоркер».

Один из этих людей, Рональд Франкенберг, после окончания Кэмбриджского и Манчестерского университетов решил поехать работать на Вест-Индские острова — британские владения в бассейне Карибского моря. Однако английские власти запретили ему эту поездку. Министр колоний объяснил, что запрет наложен из-за политических связей Франкенберга. «Рейнольдс ньюс» указывает, что «политические связи» Франкенберга выражались в том, что он состоял членом... университетского лейбористского клуба!

Другой случай. Один техник (газета не называет его фамилию, так как еще ведется расследование этого дела) с 1936 года работал на манчестерском почтамте. Во время войны он находился в армии, а затем снова вернулся на прежнюю службу. Недавно его отстранили от работы в связи с тем, что было предпринято расследование его политической деятельности. При расследовании этому служащему почтамта не разрешили пользоваться услугами юриста или помощью представителя профсоюза.

Член парламента от лейбористской партии Гриффитс заявил, что он поднимет этот вопрос в палате общин, ибо «охота на ведьм» (так в США и Англии называют ожесточенную кампанию преследования прогрессивных элементов) «стала угрозой» для честных людей.

ПО РЕЦЕПТАМ ГЕББЕЛЬСА

В западноевропейской печати недавно появились сообщения о том, что боннский «канцлер» Аденауэр планирует создание министерства информации по образцу геббельсовского министерства пропаганды.

Новое боннское министерство, пишет английский еженедельник «Трибюн», будет иметь «власть над газетами, радио и телевидением и полный контроль над внешнеполитической пропагандой. В нем также будет отдел политической разведки...» Детали этого плана разработаны, по словам «Трибюн», двумя подручными Аденауэра — Гансом Глобке и Отто Ленцом.

Глобке — начальник отдела кадров федеральной канцелярии. Он — бывший нацист. Глобке, пишет «Трибюн», «которому поручено составить проект министерства информации, ищет вдохновения у покойного д-ра Геббельса».

Ленц является начальником федеральной канцелярии и шефом Глобке. Во время последних парламентских выборов в Западной Германии Ленц непосредственно руководил переводом огромных денежных сумм, выделенных монополистами для финансирования аденауэровской партии, из касс западногерманских промышленников в фонд христианско-демократического союза. В благодарность за это Аденауэр пообещал Ленцу пост в новом министерстве информации.

Одновременно в «боннской республике» подготовляются проекты закона о контроле над печатью, который «позволит прикрывать газеты, штрафовать журналистов или запрещать им писать», а также закона о контроле над радиопередачами.

Все это свидетельствует об одном: в условиях дальнейшей фашизации Западной Германии обычные методы влияния и воздействия на пропаганду уже не устраивают Аденауэра. Он полностью обращается к рецептам Геббельса.

ГОЛЛИВУДСКИЕ НОВИНКИ

Главный герой кинофильма «Безумный волшебник» не теряет времени даром: сначала он деловито отпиливает голову своей знакомой, а затем, угодив в какой-то стальной ящик, сгорает там дотла... Для того, чтобы зрители имели возможность наблюдать за всеми деталями этого процесса, ящик снабжен специальным окошком. Сквозь застекленное отверстие хорошо видны гримасы ужаса, предсмертные судороги, превращение живого человека в обугленный труп... Как сообщает американский журнал «Тайм», производством этой картины занята в настоящее время голливудская фирма «Коламбия».

То же кинопредприятие собирается выпустить «атомный фильм» под названием «Человек с Марса». Здесь взрыв «икс-бомбы» просто-напросто переворачивает землю; Южный полюс оказывается на месте Северного, а Северный — на месте Южного. Это было бы еще полбеды, но в довершение всего на нашу планету совершают нападение неведомые существа «из мирового пространства». И хотя режиссер еще не решил окончательно, каков будет их вид, одно ясно: жителям земли придется туго!..

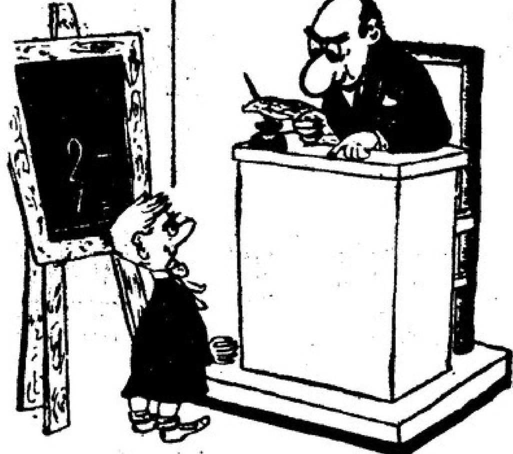
Фирма «Уорнер» снимает фильм «Они», рассказывающий о гигантских муравьях, которые питаются исключительно человечиной. Студия «Юниверсал-Интернэшнл» готовит кинокартину «Черная лагуна». И тут главное действующее лицо — чудовище, нечто среднее между рыбой, человеком и лягушкой.

Кинофирма «Индепендент» работает над постановкой фильма «Великий зеленый Ог». Действие происходит на изобретенной в Голливуде планете «Афродита». Кто такой Ог? О нем известно только то, что он в два раза больше обычного человека и что в жилах его течет зеленая кровь. Кошмарные подробности, касающиеся личной жизни Ога, фирма пока не разглашает... Эта же студия выпускает картину «Женщины-кошки с луны». Действие разворачивается на луне, где, разумеется, также нет недостатка в разнообразных ужасах. Закончена лента о двух электронных роботах, которые восстают против ученых и при помощи атомной энергии пытаются уничтожить все человечество.

«Туэнтис сенчури-Фокс» скоро выпустит фильм «Горилла, вырвавшаяся на свободу». Оказавшись вне клетки, предприимчивая горилла (с помощью не менее предприимчивого режиссера) использует все возможности для того, чтобы заставить зрителя трепетать от страха...

«Преисполненный решимости запугать зрителей до полусмерти и при этом выжать из них деньги, Голливуд готовит в настоящее время широчайший ассортимент страшных картин...» — пишет журнал «Тайм». Поистине страшную картину представляют собой голливудские новинки: страшную картину духовного убожества и растления.

В ИТАЛЬЯНСКОЙ ШКОЛЕ

— Синьор учитель, мама просит, чтобы вы сказали адрес того мясника, который во вчерашней задачке продавал мясо по 200 лир за килограмм...

Рисунок из итальянского журнала «Лаворо»

Новый роман Федора Панферова

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Во второй книге романа Панферов, вероятно, покажет еще более мощное наступление советских людей на природу. Нет сомнения в полном успехе этого наступления. Хочется, чтобы и автору также сопутствовала удача.

6. Герои романа, так привлекающие нас кипучей общественной деятельностью, были бы однолинейными, если бы писатель не отважился заглянуть в глубины их сердца. Но наблюдение сокровенных человеческих чувств требует особой прозорливости. Здесь одна лишь смелость — ненадежный спутник. Панферов не учел этого обстоятельства.

Аким Морев искренно полюбил Елену Синицыну, и она со всей непосредственностью откликнулась на его чувство. И вот эти по-настоящему глубокие и романтические отношения двух умных и взыскательных людей еще не отлиты писателем в законченную форму.

Аким Морев предан памяти своей покойной жены Ольги. Но здесь струна натянута автором слишком туго и начинает звучать ложно. Морев в бессонные свои тревожные ночи, как бы держа ответ перед Ольгой, доходит прямо-таки до галлюцинаций. В его облике появляется ущербность.

Чистое чувство Морева к Елене вызывает уважение. Вдруг наступает весна с ее бурным таянием, и вспыхивают у Морева такие приступы зоологического буйства, что сразу и неожиданно отбрасывают его к древнейшим пращурам. За героя оскорбляешься, а писатель вызывает удивление: как мог он столь круто изменить рисунок образа?

Любовь Елены Синицыной и Акима Морева сложилась не просто. Однако настает момент, когда все сомнения уже высказаны и рассеяны. А писатель все еще ведет прежний, однообразный мотив: Морев терзается ревностью к директору Степного совхоза Любченко. Тянется какая-то заведомо искусственная игра в недоразумения. И, наконец, разыгрывается эпизод уже совсем водевильного плана, когда Любченко всерьез просит секретаря обкома сосватать Елену.

Далеко не все оправдано и в отношениях Ивана Евдокимовича Бахарева и Анны Арбузиной. Не в том дело, что он академик, а она — колхозница, что ему шестьдесят, ей — под сорок. Лишь заядлый ханжа может усмотреть в этом некий «мезальянс».

Бахарев нашел совершенно правильное объяснение своей влюбленности в Анну: «По культуре разума мы с тобой одинаковы...» А культура разума — это «отношение человека к миру, к труду, к людям». Тут между советским академиком и передовой колхозницей нет резко разделяющих дистанций.

Откуда же возникают беспокойство и ощущение неловкости за Бахарева и Арбузину, особенно за Ивана Евдокимовича?

Остался художественно неосуществленным тезис о культуре ума. Сад Анна вырастила в полупустыне великолепный, а вот жажды знаний, самостоятельного горения мысли в ней почти незаметно. Движения образа Анны в романе нет. Она словно застыла в одной и той же позе: со сложенными на груди руками, со своими сомнениями: «Буду я около него, как индюшка: телом полна, а умом пуста».

Иван Евдокимович что-то не ищет и не развивает в Анне культуры. Слишком часто он выглядит этаким бойким петушком-попрыгунчиком, и говорок у него появляется «булькающий». Морев думает о нем: «Большой ребенок... опять междометиями заговорил...»

Ученый, похожий на большого своенравного ребенка, вспыльчивый, но отходчивый и т. п., — фигура далеко не новая. Узнав примелькавшегося литературного знакомца, мы не испытываем особенного влечения к нему, как к характеру.

7. То там, то здесь писателем допущены нарушения меры и пропорции, забвение художественного такта и чутья, неразборчивость вкуса, наконец, небрежное отношение к ясности и точности русского слова. Все эти большие и малые творческие ошибки Панферова вызывают искреннее огорчение тех, кто признает его своеобразный, политически заостренный, но недостаточно организованный талант.

Путешествие Морева во многом интересно, познавательно, а по тону лирично. Но оно слишком растянуто. Почти вся первая часть произведения не что иное, как непомерно разросшаяся, в целом довольно статичная экспозиция. Морев здесь пассивно наблюдает да порою преждевременно резонерствует. И что дает Мореву право на поучающий тон? Авторитет еще не заработан, и автор ставит героя в ложное положение.

Нечто подобное происходит с Моревым и на пленуме обкома, где его будут выбирать секретарем. Морев, выступая, принял провинциально-актерскую позу и, явно желая заинтриговать слушателей, «намеренно заговорил так: «Давайте помечтаем, товарищи!» В том же тоне, и уже впадая в литературщину, он рассказал о том, как мечтали Манилов, Дон-Кихот, Растиньяк, не забыв обнародовать правила мечтаний советских людей. Надо оратору плохо представлять себе аудиторию, чтобы держаться столь напыщенно.

Так потеря чувства меры приводит к результатам, совершенно не похожим на те, к которым стремился писатель.

Или вспомним первые дни знакомства Акима Петровича с академиком Бахаревым. Они не сразу «притираются» друг к другу. Но нельзя же путать ершистость с откровенным неуважением. Вот, например, мысли Морева о Бахареве: «Не хочется себя дурачком выставлять перед ним. Как-нибудь нарвется на меня... Я ему такого накручу из инженерии, что у него глаза на лоб полезут».

И, действительно, «накрутил». Купил стерлядь, решил угостить и спутника. Щепетильный Иван Евдокимович интересуется, сколько заплачено за рыбу. Морев отвечает:

« — Пустяки.

— Пустяками расплачиваются нечестные люди,— голос академика погрубел.— Сколько с меня?

— До чего занозистый... и...— в уме Акима Морева навернулось такое грубое слово, что он постарался его тут же замять... и все-таки резко произнес: — А вы, товарищ академик, сходите на берег, выберите себе стерлядку и спросите у торгаша, сколько с вас причитается». И приказал официантке убрать второй прибор.

Бахарев в отместку обозвал про себя спутника «шутом гороховым». По мнению автора, это всего лишь обоюдная «занозистость». Что же тогда можно назвать *оскорблением?*

И уже в кричащее противоречие с художественной логикой писатель впадает там, где хочет объяснить, по какому же печальному недоразумению Малинов попал на высокий пост.

В романе неоднократно упоминается, что Малинов когда-то «гремел», да вот «догремелся», что он был «первачом».

Но где же показ этого былого богатырства, хотя бы в отраженном плане? Обращаемся к биографии Малинова. Оказывается, уже в институте он слыл «увертышем», т. е. ловко увертывался от экзаменов, «получив диплом инженера, но не знания». Дальше карьера его строится на сплошном очковтирательстве. А потом Малинов предстает злостным алкоголиком, самодуром и шарлатаном.

Так за что же его выдвинули на столь ответственную работу и чем он неоднократно «производил впечатление»? Значит, были у Малинова и действительные заслуги, о которых Панферов заикнулся, но умолчал. Значит, надо было показать и доказать психологический процесс страшного падения человека, от чего писатель уклонился. И получилось несерьезно. Слишком много было доверено Малинову, и слишком много нанес он вреда, чтобы все свалить на одну его глупость.

8. В положительных героях «Волги-матушки реки» заложено много хорошего, однако их работа и стремления к дальнейшим достижениям раскрываются преимущественно во встречах и разговорах с Моревым. Все они как бы отчитываются в результатах своего труда. Их мало видишь за самим делом, на самостоятельной работе. Герои страдают статичностью, характерам их негде как следует развернуться. Да и драматургия романа проигрывает: не разветвляется, а тянется вслед за Моревым по одной прямой.

Пафос «Волги-матушки реки» — все для счастья народа. А вот представителей народной гущи можно в произведении буквально по пальцам перечесть. Да и те эпизодические, проходные фигуры.

Это носитель «двух правд» Елизар Панкратьевич да старый чабан Егор Пряхин, участвующие в двух-трех сценах. Они активно помогают выражению главной идеи романа и свидетельствуют об умении Панферова создавать большую роль из немногих реплик. К чабану и «правдолюбу» можно прибавить еще трех шоферов, повара на пароходе да уже совсем безликих статистов — бригадира Васю Журавлева и сталевара Окунькова.

Мало, очень мало в романе настоящих представителей народа, о которых так горячо высказываются «ведущие» герои.

А вот среди «ведущих» есть определенно лишний человек. Это директор Приволжского автомобильного завода Николай Кораблев, которого читатели знают по другим произведениям Панферова. В романе ему делать решительно нечего. И когда присмотришься, то становится ясным: ведь Аким Морев — это тот же Николай Кораблев, продолживший свою судьбу в «Волге-матушке реке».

Нельзя возражать против такой родословной образа и против совпадения авторских красок. Но отсюда как раз и следует, что Николаю Кораблеву вместе с женой Татьяной Половцевой целесообразнее покинуть берега «Волги-матушки реки».

9. Федор Панферов должен тщательно поработать над языком и стилем романа.

Суховей погубил посевы. Но как передает автор свое впечатление от этой безрадостной картины?

«О поле, поле!

Сколько труда вложено в тебя!

Это ведь он — твой сын — сын земли с самого младенчества, чуть ли не с молоком матери впитал в себя любовь к тебе...

Это ведь она — дочь твоя — дочь земли, рожая человека, часто обращается к тебе, земля, говоря:

— Роди и ты, как рожаю я.

И как часто, бесчисленное множество раз, ты, земля, била их — твоего сына, твою дочь...»

Тут и женское жалобное причитание, и библейская иеремиада — все слилось в какое-то заклинание.

Охотники спешат на машине к озеру, но, оказывается, оно высохло, дичи нет. Вот как это описано:

«...шофер дал такой газ, что Стрела рванулась вперед с головокружительной быстротой, и вот она уже круто застопорила, остановилась на боковине озера... а Федор Иванович шопотом, со страхом, будто перед ним неожиданно появился тигр, произнес: «Товарищи! Водички кот наплакал».

Анна Арбузина ведет Бахарева к себе в гости. Они встречаются с Моревым, Лагутиным и Назаровым. Читаем текст:

«Назаров кинулся к академику и, схватив его за обе руки, начал их так трясти, что у того затрясся подбородок». Возможно и такое бурное проявление чувств. Но Анна-то, нежно влюбленная Анна, как реагирует на это: «Ну, ладно изливаться-то... Эй, председатель, оторвешь руки-то у Ивана Евдокимовича,— ревниво прикрикнула она». Неужели писатель не чувствует комического искажения образа Анны благодаря ее серьезно ревнивому беспокойству за целость рук Ивана Евдокимовича?

Области угрожает новая засуха. И вдруг грянула гроза с ливнем.

«Лей! Лей! Давай-давай! — кричал маленький Опарин... И ливень, точно прислушиваясь к призыву председателя облисполкома, наддал...»

Гроза, даже в писательском воображении прислушивающаяся к призыву властей Приволжской области, это нечто непостижимое. Тут должен смущенно потупить очи и сам Сухожилин — сочинитель статьи об отмене нежелательных и об установлении желательных объективных законов природы.

Мы не назвали и малой доли слишком уже бросающихся в глаза огрехов. И совсем не приводили примеров различного рода стилистических неловкостей, спорных или неудобочитаемых выражений, местных речений... Дело автора — отыскать их и устранить.

* *
*

На пути от журнального к книжному тексту писатель может дополнительно мобилизовать себя творчески, найти в себе еще не затронутые источники вдохновения: переосмыслить образы и отдельные ситуации, укрепить композицию, очистить язык и, в конечном счете, прочно встать на новую ступень мастерства. Именно таким путем обязан пойти Федор Панферов. И тогда «Волга-матушка река» будет благодарно принята читателем, как произведение, страстно зовущее к коммунизму и организующее на преодоление всех преград, вплоть до подчинения человеческому разуму могучих, но стихийных сил природы.

Н. ПОГОДИН

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03866.